

УПРАВЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОДА НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА"

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

"Мира не узнаешь не зная края своего"

*Материалы 4-х краеведческих чтений
23 ноября 2000 года*

BIS NIZHNEVARTOVSK

[Нижевартовске
МУЪИСГ ']

- R0

г. Нижевартовск
2000 г.

ББК 63.3 (253)
М-63

Редакционная коллегия:

Солодкин Я.Г. - профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории России НГПИ (ответственный редактор).

Семенова Л.Ф, зав.отделом краеведения
Нижевартовской ЦГБ.

Воробьева Т.В. - зам. директора Нижевартовского МУ
"БИС"

Шаймарданова Л.А. зав. отделом обслуживания
Нижевартовской ЦДБ.

Ответственный за выпуск: Чернышева В.И.

Технический редактор: Мокшина Н.Ю.. Исаева О.В,

Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы 4-х краеведческих чтений. /Управление культуры администрации МО город Нижевартовск; МУ"БИС"; НГПИ. - Нижевартовск: МУ «Нижевартовская типография». 2000. - 106 с.

ББК 63.3(253)

Часть I. История

В.Н. Зубов

Первая жалованная грамота Ивана Грозного Строгановым (1558г.) как исторический источник

Жалованная Грамота, адресованная Анике Строганову и датированная 4 апреля 1558г., как справедливо отметил А.А. Преображенский, не дошла до нас в подлиннике. Историки вынуждены прибегать к текстологическому анализу грамоты в передаче Г'.Ф. Миллера.

Грамота состоит из нескольких частей: пересказа челобитной Григория Строганова, обоснования принятия решения царя по ней, формулировки решения, условий царской «милости», перечня лиц, от которых исходил документ.

Впервые внимание на жалованную грамоту Григорию Строганову обратил внимание Г.Ф. Миллер, рассматривавший грамоту вместе с другими грамотами Строгановым (1568,1574 гг.). Он первым в историографии связал получение Строгановыми этой грамоты с предприимчивостью Аники Строганова.

И.В. Щеглов иод 1558 г. в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» подробно воспроизводит содержание грамоты, но без ссылки па источник, и не раскрывает обстоятельства появления и значение грамоты.

П.И. Небольсин («Покорение Сибири», 1849г.) вопреки обещанию не размещает в своем труде грамоты Строгановым Ивана 1У. Исследователь связывает с ними разрешение вопроса: «Виноваты ли Строгановы в преступлении перед государством?»

К.Ф. Валишевский посвящает целый раздел главы своей книги «Иван Грозный» деятельности Строгановым в Сибири.

Исследователь считал, что они занимали особое социальное положение, близкое к первостатейным купцам - гостям, чем и объяснял предоставление им таких широких привилегий. К. Ф. Валишевский обращает внимание на исключительность разрешения Ивана 1У Строгановым иметь собственные войска для защиты от ногасв и сибирских татар.

И.А. Короткое использует фрагмент этой грамоты для доказательства того, что «строгановские предприятия на Урале, появившиеся в 1558г., представляли собой исходные военно-стратегические базы московского правительства».

А.А. Преображенский лишь упоминает об исследуемой грамоте в череде других как этапе становления «государства в государстве» -вотчины Строгановых.

Авторы «Очерков истории Коды» прямо связали недостаточность сил государства для обороны северо-восточных границ и жалованную грамоту Григорию Строганову от 1558г. и назвали новую политику «Избранной Рады» (неофициального околоправительственного кружка сподвижников Ивана Грозного конца 40-х - начала 60-х гг. ХУ1в.) «ставкой на частную инициативу».

В челобитной Григория Аникиева сына Строганова говорится о пустующих землях на пространстве от Камы до Чусовой. При этом подробно очерчены географические контуры пустующих земель. В грамоте подчеркивается, что именно Григорий Строганов намеревается на этом месте «городок поставите, ... на городе пушки и пищали учинити». пушкарей, пищальников, воротников «устроите»; «принять людей и дворы ставити»; заниматься солеварением.

Вооруженную силу предполагалось использовать для «береженья от ногайских людей и от иных орд».

Для обоснования принятия собственно решения и проверки легитимности притязаний Строгановых казначеями Ф. И. Сукиным и Х.Ю. Тютиным был допрошен представитель местного населения Пермского края Кодауль, привезший дань в

Москву. Кодауль подтвердил, что жители названных пустующих земель не платят дань ни как часть Перми, ни как подчиненные казанским воеводам, «и прежде не даывали (Казани - В.З.)». Кроме того, речь шла об обеспечении безопасности Перми и «проезжих людей».

Григорию Строганову запрещалось принимать «тяглых» и «писменных» крестьян, разбойников, воров и беглых холопов; взимать пошлины с проезжих торговцев в этой земле; самостоятельно разрабатывать «руду серебряную, медную или оловянную»; вести хозяйственную деятельность в Пермском крае.

Последний запрет скорее всего не связан с освобождением от налогов на 20 лет как самого Григория, так и местного населения, ведь на добытую соль и рыбу освобождение от подати не распространялось. Григорию Строганову на те же 20 лет представлялся судебный иммунитет от пермских наместников и тиунов. Григорий Строганов также избавлялся от обязанности бесплатного обеспечения проезжих послов не только из Казани в Пермь, но и из Москвы в Сибирь и обратно.

Для предупреждения возможных конфликтов на административной почве особо указывалось, что Григорий Строганов «в Казань ясаков нашим боярам и воеводам в нашу казну» не платил.

Историки практически не обращали внимания на перечень лиц, утвердивших грамоту (лишь И.И. Смирнов вскользь упоминает, что её подписал А.Ф. Адашев - один из руководителей «Избранной Рады»). Любопытна последовательность этих лиц: вслед за Иваном IУ перечислены окольные Ф.И. Умной и А.Ф. Адашев, а затем казначей Ф.И, Сукин и Х.Ю. Тютин. Примечательно, что в грамоте нет ни полного? ни краткого титула Ивана Грозного, который упоминается лишь как «государь всея Руси». Все это, а также момент появления грамоты (это время обострения русско-сибирских отношений из-за враждебной позиции хана Кучума)

свидетельствует о том, что сибирская составляющая восточного направления внешней политики «Избранной Рады» была реальностью.

Таким образом, изучение жалованной грамоты Строгановым за 1558г. может способствовать не только разрешению спорных проблем русско-сибирских и русско-казанских отношений, но и вопросов политической деятельности «Избранной Рады». Грамота является ярким свидетельством специфической для середины XVI века формы колонизации восточных земель которую можно определить как «легитимизированную частную колонизацию».

Симачкова Н. Н.

Об административно-хозяйственных функциях первых сибирских воевод, (на материале верхотурских грамот)

Царские грамоты, опубликованные в «Актах исторических», дают возможность проанализировать функции первых верхотурских воевод и голов. Василия Головина и Ивана Воейкова, князя Матвея Львова и Угрима Новосельцева, князя Ивана Михайловича Вяземского и Гавриила Салманова, Неудачи Плещеева и Ивана Хлопова. По отпискам воевод и служилых людей можно судить насколько правительственные предписания были реализованы.

Анализируя данные источники, можно выявить достаточно широкую палитру воеводских функций, прежде всего административных и хозяйственных, вытекавших из нужд создания нового уезда. Так, например, В.П. Головину предписывалось следить за строительством дороги между Солью Камской и Верхотурьем, которая имела огромное значение для перевозки хлебных запасов, а также перемещения

служилых людей ("ездите той новою дорогою служивым людям нужда великая"), так как старая дорога находилась в удручающем состоянии ("про сибирскую дорогу нам сказывают, что та новая дорога чищена и мосты мощены худо..."). "воеводе следовало отправить "двух целовальников, да посошных людей" для чистки дороги ",о чем отписать в Москву".

Дополнительные средства воеводе предписывалось выделить для строительства дворов стрельцам: "вслети им дать подмогу на дворы как и в иных городах стрельцам и казакам на дворы давано, ... по рублю на человека."

Царской грамотой от 4 мая 1599 года воеводе предписывалось выдать жалование служилым людям, - находящимся в Верхотурье, выдавать его, согласно указу нужно было в том же объеме, в котором выплачивалось оно в центральной России,: "давати на Верхотурье и во всех сибирских городах служивым людям ..., хлебное годовое жалование в Московскую в медяную меру, в которую дают наше хлебное жалование в Москве и в иных городах". В данном случае, можно усмотреть попытку центра создать единую систему пожалования служилых людей в общероссийских масштабах.

Воеводе необходимо было решать и проблемы распределения угодий между коренным населением вогуличами, и русскими людьми. В грамоте князю Вяземскому и Салманову предписывается вогуличам отдавать "в наем покосы пермичам", а также "пожаловать для зимнего пути и судового ходу на реке". Необходимо было выделить лесные угодья, сенные покосы, места для рыбной ловли, чтобы "вогуличам в том тесноты не было".

Воеводе следовало и позаботиться о строительстве домов, а также оказании помощи в перевозке семей торговых людей, предоставив им подводы до Вятки.

Воеводе князю М. Львову предписывалось осуществлять контроль за работой на соляных промыслах, отправляя для

добычи соли "наемных казаков, лошадей, хлебные запасы", а также следить " чтобы, в нашем соляном деле, нашей казне и нашем хлебным запасом истерии и убытка не было".

Наиболее важной функцией в деятельности воевод соответственно стратегическому направлению политики московского правительства являлся сбор ясака. В грамоте В.П. Головину и И. Воейкову определялся размер ясака, указываются категории населения, с которых подати не брались: "остати больные, старые, или увечные и худы, и нашего им ясаку давати не мочно ... а если которые будут выздаравливать велено с тех ясак имати по прежнему". С остяков же, которые были способны заплатить, ясак следовало брать в полном объеме "соболями и лисицами и белкою и горностаи и шубами."

Помимо этого, воеводе Неудаче Плещееву и голове Хлопову необходимо было надзирать за торговлей "всякими товарами... соболями лисицами и бобрами и всяким мягким товаром и сукны и всякими мелкими товары...", чтобы торговые люди "тайно ни где не торговали", и платили торговую пошлину в казну.

Воеводе поручалось содействовать и строительству церквей, в частности, сооружения Верхотурского монастыря, выделив на "кельи, и на ограду, бревен и тесу на церковное...".

Таким образом круг административно-хозяйственных обязанностей верхогурских воевод был достаточно широк, в частности, он более внушителен, чем у первых пелымских воевод, которые только «рубил город, тогда как, в Верхотурье уже сложилась военно-административная структура

К концу XVI века, по заключению Е.В. Вершинина происходит оформление воеводской системы управления в Сибири. Верхотурские материалы позволяют составить достаточно широкое представление о функциях тамошних воевод.

Ранние летописные отклики на «Сибирское взятие»

Разгром «дружиной» Ермака «Кучумова царства» привлек внимание многих современных летописцев.

Едва ли не первым среди них был создатель Соловецкого летописца редакции конца XVI в. По его словам, донские и волжские казаки во главе с Ермаком «ко государю в повенование привели» всех «сибирских» людей, царя которых доставили в Москву. В статье за 1584/85 г. этому сообщению предшествует запись о подчинении черемисы Федору Ивановичу (под 1581/82 г. сказано, что «завоевала черемиса накрепко»), а следом говорится о победе над татарами в устье Угры и на Выси, а также выезде на русскую службу крымского царевича в Астрахань, а оттуда к Москве. По наблюдению В.И.Корецкого, данная статья завершает основную часть летописца, заметки, посвященные событиям 1588-1590 гг., написаны другой рукой (1). (Известий за 1585/86 - 1586/87 гг. в рассматриваемом источнике нет). Крымцы были разбиты возле Калуги 7 мая 1584 г. (2). Следовательно, соловецкий книжник допустил неточность. Зато крымский царевич Мурат-Гирей, действительно, приехал «служите Федору Ивановичю» в 1584/85 г. (в июле), а год спустя отбыл в Астрахань (3). Таким образом, монастырский летописец упомянул о покорении Сибири Ермаком «с товарищи» не ранее июля 1586 г., скорее всего вскоре после того, как новоявленный служилый царевич отправился в Астрахань. (Кстати, в хронике, которая велась на Соловках, указано на выезд Мурат-Гирея в Астрахань, а лишь затем в Москву).

С точки зрения Е.К.Ромодановской, монастырский «списатель», по-видимому, передал «неясные слухи о походе»

(4). Разумеется, в летописце преувеличены достигнутые казаками успехи. Под сибирским царем, привезенным ермаковцами в Москву, очевидно, следует понимать ханского племянника Маметкула, оказавшегося в российской столице до начала февраля 1585 г.

Считается, что в Соловецком летописце «деятельность казаков в Сибири поставлена в ряд с действиями «вольных казаков» на северных окраинах против Швеции. Какой-либо разницы здесь современники не находили» (5). Такое суждение представляется явной натяжкой. Ведь сибирской экспедиции посвящена отдельная запись, далее же (в продолжении ранней редакции памятника и ее переработках) вскользь говорится об участии немногочисленных донских «да охочих казаков» в преследовании татар за Окой в 1591 г. и в походе «в Каянские немцы» в составе отрядов русских войск.

По убедительному заключению Р.П.Дмитриевой, летописание зародилось на Соловках благодаря игумену Иакову. По монастырским делам он нередко бывал в столице. Возможно, от Иакова автор Соловецкого летописца и узнал о разгроме «ермаковыми казаками» Сибирского ханства.

В кратком летописце, составленном в 1610-х годах (быть может, еще в разгар Смуты) служилым человеком одного из поволжских уездов, под 1585/86 (в другом списке 1588/89) г. читаем о том, что Ермак «Кучума побил» и «к Москве прислал» его семью. Как видно, А.А.Преображенский не избежал преувеличения, когда утверждал, что в этом летописце допущены сходные с Соловецким ошибки в изображении «Сибирского взятия». На взгляд В.И.Корецкого, «попытка принять Казань за исходный пункт похода Ермака... изобличает в авторе, возможно, жителя Казани». Но о последней сказано в Лихачевском списке памятника (начала XVIII в.), в более раннем Архивском правильно сообщается о походе Ермака «с казанки» с Волги (6). К тому же в летописце умалчивается о завоевании Казани, Симеон Бекбулатович (одно время «великий

князь Московский») спутан с казанским ханом Симеоном Касаевичем (подобно знаменитой Повести о Смуте и рукописи «Временника» Ивана Тимофеева), не говорится об участии Казани в восстании И.Болотникова, о чем известно по царской грамоте в Муром от 27 октября 1606 г., найденной Б.Н.Морозовым. Провинциальный летописец из числа дворян или детей боярских, видимо, понаслышке сообщил о «присылке» в Москву Ермаком семьи побежденного Кучума, а не одного сибирского царевича (многие родственники непокорного «салтана» очутились там в самом конце XVI в.).

В начале XVII столетия, по определению Е.К.Ромодановской, возник Сольвычегодский летописец, дошедший до нас в составе особой редакции свода 1652 г. Здесь рассказывается, что в 1578/79 г. Ермак, выходец с Двины, «з Борку», с «дружиной» в 540 человек на Волге «разбил» государеву казну, поднялся на Чусовую, «пособил» М.Я.Строганову «поймать» его дядю, и за это получил деньги, платье и всякие запасы, 300 человек «со оружием», что позволило атаману овладеть Сибирью, подчинить Кучума с Маметкулом и «всю землю их». Е.К.Ромодановская утверждает, что и остальные летописные источники свидетельствуют об участии Строгановых в организации прославленной экспедиции. Исследовательница явно забывает о Есиповской и Рсмезовской летописях (что отмечалось В.И.Сергеевым), Соловецком, Поволжском, а также Пискаревском летописцах. В оценке Е.К.Ромодановской приведенный рассказ независим от Строгановской летописи (7). Р.Г.Скрынников же высказал противоположное мнение, сославшись на хронологию летописной статьи и указанную в ней численность сподвижников Ермака (8). Думается, эти сведения, действительно, попали в свод из сочинения строгановского «историографа». Так компилятор решил дополнить Сольвычегодский летописец, где сообщалось о происхождении легендарного атамана, поддержке им Максима Яковлевича

(управлявшего чусовской вотчиной Строгановых) в распре с Григорием Аникиевичем и Сибирском «взятии».

К московскому летописцу конца XVI в. А.П.Богданов возводит оригинальные известия о походах за Урал Ермака и царских воевод, содержащиеся в Забелинском своде начала петровской эпохи. Таковы свидетельства о том, что одним из предводителей казачьей вольницы был Аргун Тимофеевич, на помощь ей двинулся князь Иван Иванович Киселев с 500 стрельцами, а И.Мансуров выстроил острог в Белогорье. Об этом, судя по синодику (точнее, приходно-расходной книге) Чудова монастыря, как находит А.П.Богданов, ермаковцы могли поведать в Москве, ставшей, таким образом, родиной сибирского летописания (9). Однако, в чем мы уже имели возможность убедиться, наличие в том или ином памятнике отдельных известий о крушении ханства Кучума еще не позволяет отнести данное сочинение к сибирской ветви давней культурной традиции русского средневековья . Вопреки мнению А.П.Богданова, об Аргуне как главном соратнике Ермака в зауральском походе говорится не только в своде Игнатия Римского-Корсакова, но и в Пинежском летописце (вернее, он называется Арганом Андриевым и Яргаком) (10). В этом сочинении второй половины XVII в., как подчеркивает С.К.Росовецкий, налицо историко-фантастическое жизнеописание Ивана IV. М.Д.Каган небезосновательно сочла статью Пинежского летописца о «Сибирском взятии» исторической легендой, отражающей народное отношение к Грозному. (Взгляд В.И.Корецкого, будто этот летописец сохранил «остатки какого-то благоприятного Годуновым раннего летописания» (11) - безусловная натяжка). Сибирский поход И.И.Киселева, о котором мы узнаем из Забелинского свода, - вымысел, да и такого князя источники не знают. Наконец, версия относительно сооружения И.Мансуровым Белогорского острога могла появиться в результате

своеобразной трактовки показаний ранних сибирских летописей.

А.В.Лаврентьев пришел к выводу, что события в «Закаменской стране» стали включаться в контекст общерусской истории с 1630 г., когда был составлен Новый летописец (12). Обращение в Соловецкому, Поволжскому. Сольвычегодскому, Пискаревскому (имеющаяся в нем статья «О взятии Сибирския земли» требует специального анализа) летописцам заставляет признать такое суждение неточным.

11 примечания

1. Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С.223,240. Приведенное сообщение о «взятии» Сибирской «земли» повторено в Соловецком летописце редакции начала XVII в. (Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С.200).
2. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI - начала XVII в. М., 1986. С. 76, 77, 81.
3. Там же. С.89, 215; Разрядная книга 1475-1605. М., 1987. Т.3.
- 4.2. С.88.К 1584/85 г. прибытие Мурат-Гирея в Россию приурочено и в Безнинском летописце. Известно об этом и документально (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. 4.1. С.336).
4. Ромодановская Е.К. Строгановы и Ърмак // История СССР. 1976. № 3. С.131. Примеч. 6; Она же. Летописные источники о походе Ермака // Изв. Сиб.отд. АН ССР: Сер.общ. наук. 1981. № И.Вып. 3.С.22.
5. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII века, М., 1972. С.39; Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С.55. Примеч. 81.
6. Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С.128; Корецкий В.И.,

- Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI - начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С.192, 215.
7. Ромодановская Е.К. Строгановы и Ермак. С,131-133,144; Сергеев В.И. Указ.соч. С.40.
8. Скрышников В.И. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 172.
9. Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV-XIX вв. М., 1989.С.197,198.Ср.:С.207.
10. Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С.79. Сибирская экспедиция отнесена тут к 1587/88, а не 1583 г., как пишет М.А.Салмиыа.
11. Корецкий В.И. История... С.69,133.
- Л.Е.Морозова утверждает, что это сочинение включает «первое летописное сообщение» о походе Ермака (Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С.365,431).

М.Д. Архипова

О роли архиепископа Киприана в становлении сибирского летописания

Вопрос о зарождении сибирского летописания является дискуссионным на протяжении более полутора столетий.

В последнее время высказаны суждения о том, что так называемая московская ветвь сибирского летописной традиции могла возникнуть уже в конце XVI в., по горячим следам «ермакового взятия». Так, например, В.И. Корецкий полагал, что рассказы чудовских монахов, в прошлом сподвижников легендарного атамана, стали источником «Истории о разорении русском» - патриаршей летописи, которая велась Иовом и его

келейником Иосифом. Эта «История», как думал В.И. Корецкий, оказалась в руках создателей Нового летописца, который открывается статьями о начале присоединения Сибири к Московскому государству. А.В. Лаврентьев же, сопоставляя Новый летописец, Летописный свод 1652г., сложившийся в окружении патриарха Никона, и широко известную Латухинскую Степенную книгу - компилятивное сочинение монаха Тихона Желтоводского (последняя четверть XVII в.), пришел к выводу, что в основе этих столь разных сочинений лежит некая повесть о Сибири, возникшая едва ли не в царствование Федора Ивановича. Лаконичная статья «О взятии Сибирския земли» имеется и в Пискаревском летописце, который, несомненно, возник в Москве не позднее начала 1613 года. К московской летописной традиции, сохранившей известия о сибирской экспедиции Ермака, тяготеют и краткие летописцы рубежа XVI - XVII вв., появившиеся на Соловках, в Поволжье и Соли Вычегодской.

Так называемая сибирская или местная ветвь летописной традиции Зауралья представлена в первую очередь Есиповской и Строгановской летописями (в литературе их часто именуют историческими повестями) второй четверти XVII в., разновидностями этих памятников, например, летописцами Погодинским, Абрамцевским, Бузуновским. Румянцевским. так называемой казачьей Кунгурской летописью. Эти памятники известны со времен Г.Ф. Миллера или с первых лет XIX века, однако их соотношение и место в развитии летописания за Уралом или в России в целом определяются весьма разноречиво.

Исследователи единодушны в том, что к возникновению летописания в Сибири был причастен первый тобольский архиепископ, но его роль в появлении первых летописных статей о «сибирском взятии» конца XVI в. по разному определяется исследователями.

О роли Киприана в становлении сибирского летописания можно непосредственно судить только по одному источнику -

«Синодику ермаковым казакам», который был составлен по повелению владыки около 1622г.

Казаки доставили ему письменные известия, которые Преосвященный Киприан, - писал П.Н. Буцинский - сличил, дополнил другими сведениями и таким образом составил первую Сибирскую летопись.

Еще ранее мнение о Киприане как родоначальнике сибирского летописания высказали Н.А. Абрамов, П.А. Словцов, П.М. Головачев. Из современных исследователей эта точка зрения утверждается Н.А. Дворецкой. Подобный взгляд высказывается и Л.Е. Морозовой, которая считает, что первый тобольский архиепископ является родоначальником сибирского летописания, но оговаривается, что уже в Москве, покинув Сибирь, Киприан составил Новый летописец, первые две статьи которого посвящены началу присоединения Зауралья к России. Приведенная точка зрения, за исключением рассуждений Л.Е. Морозовой, базируется на приведенном показании Саввы Есипова и некоторых косвенных данных о происхождении его летописи.

А. М. Ставрович полагала, что Есиповская и Строгановская летописи имели общий источник — не дошедшую до нас летопись первого сибирского архиепископа Киприана, положенную в основу начальных статей Нового летописца. Точку зрения А. М. Ставрович принял Д. С. Лихачев. Впрочем, также видящий общий протограф в «киприановском своде», он пишет не о собственном труде Киприана, а о составлении свода при нем.

По мнению Е.И. Дергачевой-Скоп, - Киприан едва ли занимался составлением летописей, его роль свелась к составлению Синодика. Е.И. Дергачева-Скоп и Е.К. Ромодановская, отрицая непосредственную причастность Киприана к ведению ранней тобольской летописи, ссылаются и на кратковременность пребывания Киприана на тобольской кафедре.

На взгляд А.И. Андреева, будучи в Сибири, Киприан сочинил сказание о походе Ермака, которое было использовано в столичном Новом летописце. К сходному выводу пришла и современная санкт-петербургская исследовательница В.Г. Бовина. Вслед за Е.И. Дергачевой-Скои она полагает, что протографом первых «сибирских» статей Нового летописца явилось Сказание о сибирской земле и о похождениях атамана Ермака. В.Г. Бовина думает, что сочинение, которое легло в основу этого раннего сказания. Киприан сочинил в Сибири и привез с собой в Москву.

Таким образом, при обилии точек зрения на начало сибирского летописания и роль Киприана в возникновении книжной традиции за Уралом прийти к твердо установленным выводам пока не представляется возможным. Высказанные суждения представляют собой гипотезы либо догадки. Так, можно считать достаточно установленным, что по инициативе Киприана расспрашивались тобольские казаки - ветераны экспедиции Ермака, или служившие в старой сотне, или в то время бывшие уже иноками тобольского Знаменского монастыря. По сведениям этих казаков - сподвижников Ермака - был сочинен соборный Синодик, но затруднительно решить, когда на основе этого Синодика началось составление тобольской летописи - при Киприане или уже после его отъезда из Сибири. Казачье «написание» легло в основу Синодика и не может считаться протографом Нового летописца, тем более, что ермаковцы объявляются в этом московском памятнике волками и ворами, а Киприан рассматривал их как борцов за утверждение христианства в Сибири, орудиями Божественного Промысла.

Не исключено, что краткое сказание о походе Ермака возникло при Киприане, даже было им сочинено, но это мнение, как и взгляд, будто в Москве сочинение о сибирском взятии было получено от Киприана в 1624 году, - не более чем допущения. К тому же некоторые исследователи скептически относятся к тезису о Киприане как авторе Нового летописца.

Современные историки раннего сибирского летописания по-разному определяют первоисточник летописной традиции Зауралья, поэтому суждения о роли Киприана в складывании сибирского летописания все еще остаются предположительными.

Н.А.Шаханина

Начало сибирского летописания и Савва Есипов

Есиповская летопись (далее ЕЛ) - первый точно датированный памятник сибирского летописания. Владычный дьяк Савва Есипов, завершая свое произведение, указывает, что оно относится к 1636 г. Исследователи уточнили, что ЕЛ, которая чаще всего лишь по инерции причисляется к летописям, а относится по основным жанровым признакам к исторической повести, появилась между 1 апреля и 1 сентября. Очевидно, что за этот срок Есипову, который, несомненно, не являлся очевидцем событий «Ермакова взятия Сибири», было затруднительно создать обстоятельное повествование о начале присоединения к России зауральских земель. По всей видимости, он опирался на летописную традицию, зародившуюся прежде, но форма этой традиции и ее хронология длительное время остаются дискуссионными.

Большинство современных исследователей придерживается схемы раннего сибирского летописания, разработанной С.В.Бахрушиным. Согласно его точке зрения, начальным звеном сибирского летописания послужило «написание», принесенное ветеранами похода Ермака первому тобольскому архиепископу Киприану в 1622 г. Но само это «написание», как представлялось С.В.Бахрушину, появилось еще в самом конце XVI в., то есть вскоре после разгрома Сибирского ханства. Большинство современных историков и

литературоведов разделяет мысль о «написании» казаков как первооснове зародившегося в Сибири летописания, но этот памятник, до нас недошедший, относит ко времени «святительства» Киприана, то есть к началу 1620-х гг.

«Написание», согласно той же схеме С.В.Бахрушина, легло в основу синодика «ермаковым казакам», который составлялся по повелению Киприана, по всей видимости, без согласования с московскими церковными властями. Создание синодика было связано с нуждами самой Тобольской епархии, первым главой которой и явился бывший архимандрит новгородского Спао-Хутынского монастыря. Синодик обычно причисляется к источникам ЕЛ, более того, Есипов включил этот документ в свое повествование в качестве своеобразного приложения к рассказу о покорении Сибирского «царства». По мнению Е.К.Ромодановской, основной текст ЕЛ обнаруживает зависимость и от синодика, который дьяк нового тобольского архиепископа отредактировал, и от «написания», тогда как некоторые ученые (вроде Р.Г.Скрынникова) ограничивают круг источников ЕЛ одним синодиком и воспоминаниями уцелевших сподвижников Ермака.

Как установил С.В.Бахрушин, следы «написания» налицо и в Строгановской летописи, которая либо синхронна ЕЛ, либо появилась несколько позднее. То обстоятельство, что сочинение Есипова и анонимного строгановского историка в значительной степени близки, а не редко совпадают даже текстуально, позволило ряду авторов, начиная с С.В.Бахрушина, попытаться реконструировать «написание». Представляется убедительной мысль Р.Г.Скрынникова о том, что сочинение, переданное казаками Киприану, не являлось непосредственным протографом ЕЛ, таким протографом стала некая тобольская летопись. Как замечал еще свыше века тому назад видный исследователь сибирского летописания И.И.Тыжнов, «писание», об использовании которого упоминает Есипов в конце своего труда, - это произведение какого-то одного автора, а не

составленное казаками (как думал В.Г.Мирзоев, по типу отписок землепроходцев) «написание» о завоевании ермаковцами Сибирского ханства. Скорее всего в руках Есипова находилась летопись, запечатлевшая главные события зауральской эпопеи ермаковцев, эту летопись, по признанию дьяка, он лишь распространил, но едва ли только стилистически, как представляется некоторым литературоведам; надо думать, в эту летопись Есипов внес и фактические добавления, почерпнув новые материалы о сибирском взятии либо из документов (таково заключение С.В.Бахрушина), либо из воспоминаний казаков, которых знал (не исключено, некоторые из них были соратниками Ермака), либо по какому-то иному источнику. (И.Ю.Серова показала, что Есипов наравне со строгановским «историографом» обращался к Летописной книге о Смутном времени, которая переписывается князьям И.М.Катыреву-Ростовскому и С.И.Шаховскому). Быть может, Есипов использовал и какие-то другие источники, включая фольклор местных народностей, тем более, что «татарские истории», по-видимому, принимались во внимание еще составителями или редакторами казачьего «написания».

Мнение исследователей о летописном источнике ЕЛ остается лишь гипотетичным, предположительно допустимо говорить и о содержании казачьего «написания», легшего в основу синодика казакам ермаковцам, но поскольку этот синодик Есипов подверг существенной правке, что установлено Е.К.Ромодановской, поскольку и фрагменты Летописной книги отнюдь не механически переключались в ЕЛ, можно думать, что и другие свои повествовательные источники, в том числе, возможно главный летописный, Есипов заметно видоизменил. В таком случае возникновение ЕЛ - своеобразный итог развития сибирского летописания на первых порах. Вместе с тем ЕЛ породила богатую традицию, в частности, зависимость от нее в той или иной форме ощущается в большинстве памятников сибирского летописания. Недаром, по свидетельству

Г.Ф.Милера, ЕЛ в его время в зауральских городах являлась наиболее популярной из летописей, отражающих прошлое «Сибирской страны».

Р. Х. Ахтямова

Г. Ф. Миллер как историк сибирского летописания.

Одним из первых и наиболее видных исследователей сибирских летописей является академик Г.Ф.Миллер. Будучи в Сибири, он стремился собрать материалы по истории этого необозримого края.

Крупным шагом вперед в историографии является основной научный принцип Г.Ф.Миллера - стремление любое свое положение обосновывать на источниках. Полная и всесторонняя документация - вот то, чем должен был отличаться его труд от предшествующих исследований.

Г.Ф.Миллер требовал очень пунктуального воспроизведения источников. Подвергая источники "Описания Сибирского Царства" исторической критике, он проводил различия между подлинником и позднейшей копией.

Работая с материалами из сибирских государственных древнехранилищ, Г. Ф. Миллер пополнял их документами из частных архивов. Из архива Строгановых он извлек ценнейшие данные о первом этапе завоевания Сибири, в значительной степени корректировавшие имевшиеся в других источниках сведения.

Однако ученый чувствовал недостаточность использования материалов из государственных и частных архивов и хотел обратиться к фондам центральных архивов, в особенности Сибирского приказа, знакомство с документами которого должно было способствовать "пополнению сибирской истории " и "возвращению " имевшихся в его источниках пробелов.

В Сибири Г. Ф. Миллер собрал у «некоторых до истории своего отечества любопытных людей разные сибирские летописи»¹, которые послужили ему «к немалому его вспоможению». Он открыл знаменитую Ремезовскую (иллюстрированную) летопись, которая, как он отмечает, " в своем роде только есть одна, и списков с ней ни у кого нет".

С точки зрения формальной критики исключительный интерес представляют те страницы Г. Ф. Миллера, где он излагает схему развития сибирского летописания.

Протографом - «основанием, по которому после другие писать продолжали»¹ он считает «письменное известие»¹, поданное казаками, современниками Ермака -архиепископу Киприану. Это «'письменное известие»¹ и послужило «к сочинению» общих летописцев и соборного синодика, которому Г. Ф. Миллер придавал большое значение как первоисточнику.

Среди известных ученому «общих (точнее простых) летописцев», старейшей он считал и ставил выше остальных так называемую Есиповскую летопись, как точно датированную (1636), Г. Ф. Миллер считал, что она составлена современником описываемых событий, который будто бы «принадлежал к обществу Ермака Тимофеева и то, что он писал, сам видел». (Этот взгляд позднее был опровергнут).

От «общих» или «простых» летописей историк отличает Ремезовскую летопись (иначе «Тобольский летописец»), которая составлена позже (по его мнению, в 1650-1651 гг.), еще позже в нее включено несколько дополнительных листов (как было затем установлено, Куигуровской летописи).

В Ремезовской летописи он первым сумел выделить «прибавленные листы и установить что» объявленные на оном (месте) приключения истинны могут быть, токмо не в надлежащем месте положены». Он настаивал на публикации в приложении к «Сибирской истории» Ремезовской летописи.

Некоторые списки «общих летописей» доведены «до конца минувшего столетия» и дополнены «рописью о строении

в Сибири городов и острогов и о бывших в них воеводах» - свидетельствовал Г. Ф. Миллер.

Такова схема сибирского летописания в представлении Г. Ф. Миллера.

В лице Г. Ф. Миллера выступает не простой собиратель материалов. Перед нами - один из наиболее крупных создателей критических методов, исторического исследования. Г. Ф. Миллер предложил первую классификацию сибирских летописей и схему истории летописания Зауралья. Он поставил вопрос о публикации Ремезовской летописи, которую ценил выше остальных.

Т.А.Пушкарева

О реализации ясачной политики в Сибири конца XVI-XVII в.в.

Термин «Сибирь» в русских летописях появляется с XV века. Так называли земли по нижнему течению Тобола и среднему течению Иртыша. После разгрома Сибирского ханства в конце XVI века Сибирью именовали все территории, постепенно присоединившиеся к Российскому государству.

Представителями царской власти в Сибири стали воеводы и головы. В каждый город-центр уезда - царь назначал одного, а чаще двух воевод сроком на года-два. Они не получали жалования, но имели право собирать с населения продукты и деньги в свою пользу. Кроме того, жители обязаны были делать воеводе подношения установленного размера.

Воевода решал все дела в уезде, т.е. на той территории, которая была подведомственна городу. К нему обращались с личными просьбами, судебными делами и по другими вопросами русские и коренные жители. Воеводы должны были развивать в Сибири земледелие, организовывать поиск и добычу

соли, железных и медных руд, драгоценных камней. Они должны были налаживать жизнь в новом крае, расширять владения российского государя и привлекать на его сторону сибирские народы. Основной задачей воевод была организация сбора ясака с коренного населения.

Координацию всех действий сибирских воевод и контроль за ними с конца XVI в. осуществлял тобольский воевода. На эту должность царем назначались люди знатного происхождения. Все «сношения» сибирских воевод с Москвой проходили через Тобольск.

На местах сбор ясака проводили служилые люди. Они составляли ясачные книги, т.е. списки плательщиков по местам их проживания. В списки вносились только мужчины с пятнадцати лет. Исключали из книг лишь в случаи смерти. Ясачные книги позволяли вести учет собранных мехов.

Тобольские воеводы вели контроль за поступлением ясака; вся пушнина проходила в Тобольске проверку, ее осматривали и оценивали опытные специалисты.

Отдаленность от столицы, отсутствие контроля «сверху», сосредоточение у воевод фактически всей полноты власти привели в Сибири к массовым злоупотреблениям-«лихоимства»-представителей местной администрации, которые наживались разными способами (дары, взятки, казнокрадство и т.д.)

Лихоимство «разъедало» систему государственного управления в Сибири, снижало его эффективность, вызывало возмущение населения, доводя его нередко до восстаний. Но даже в этом случае центральное правительство старалось не прибегать к массовым репрессиям против восставших, Сибирский приказ предпочитал не обострять социальное напряжение и стремился уладить конфликты мирным путем, устраняя воевод и частично удовлетворяя требования аборигенов. Вот строки из отписки тобольского воеводы князя Петра Прозоровского березовскому воеводе Михаилу

Алфимову: « ... И тебе б велеть смотреть накрепко, чтоб у иноземцев меж ими ссор и задоров никаких не было, а буде впредь у них какие ссоры учинятца. и про то велеть сыскивать и писать ко мне в Тобольск подлинно...».

«Юрацкая пуровская самай» долго сопротивлялась объясачиванию, а после подчинения часто восставала. Ю.М. Эскин упоминает о том, что мангазейский воевода арестовал и прислал в Тобольск трех промышленных людей, уличенных в мятежных разговорах: «сходяся на тундре, они вспоминали вольготные времена, когда Мангазея не была за государем, и соболи были за ними».

В целом ясачные платежи (в перерасчете на деньги) были значительно меньше повинностей русских крестьян. Однако тяжесть ясачного режима усугублялась злоупотреблениями ясачных сборщиков и воеводской администрации. Ситуация осложнялась торгово-ростовгдической деятельностью купцов и промышленников.

Соппротивление аборигенов Сибири ясачному режиму выражалось в различных формах: от подачи челобитных в Сибирский приказ до расправы над сборщиками и открытых восстаний.

Случалось, что взять полный ясак с населения не удавалось, причину чего ясачные люди объясняли то болезнью, то гибелью собак, то отсутствием зверя.

Представителям русской администрации был чужд симбиоз с природой, а аборигены, вероятно, не имели особого желания хищнически истреблять ценных пушных зверей, Исследователи указывают на случаи, когда, не добыв на промысле зверя, местные охотники отдавали в заклад своих жен и детей.

Специфику вассальных отношений с Москвой можно проследить на примере Кодского княжества. Кодский «большой» князь Алач в отличие от других властителей приобской тайги вступил с российскими властями в отношения

своеобразного вассалитета: уплата «государевой подати» в виде ясака была заменена кодичам обязанностью нести военную службу. Это позволило Алачу довольно долго сохранять определенную независимость своего княжества.

В 1643г. Кодское княжество теряет свою самостоятельность. На его бывшей территории создается ясачная волость - Кодские городки. Ее жители были положены в ясак «не в силу», из расчета по 2 рубля с человека.

Русская администрация в целом успешно осуществляла реализацию ясачной политики, фиксировавшую подданство сибирских народов Российскому государству. Способы реализации зачастую были лояльны по отношению к местному населению, хотя не обходилось без конфликтов. Но в целом ясачная политика проводилась в жизнь мирным путем.

О.В.Внукова

Сибирское казачество в конце XVI - начале XVII в.в.

В XVI-XVII столетиях сибирские служилые люди, подразделялись на дворян, детей боярских, стрельцов, служилых татар и казаков разных наименований. Последние составили основную массу сибирского служилого населения, так что слова "казак" и "служилый человек" в то время были зачастую синонимами, и даже в документах заменялись одно другим.

Сибирские казаки подразделялись на более или менее многочисленные группы, по городам и местностям, к которым были «приписаны», по роду службы и по происхождению, например, тобольские (ядром которых служила так называемая "старая сотня" оставшихся в живых сподвижников Ермака) тюменские, пелымские, томские. По роду службы казаки делились на пеших и конных. Ермак и его сподвижники были пешими, но необходимость быстрых передвижений и погоня за

конными неприятелями заставила часть казаков перевести в конные. Казаков, служивших "при пушках", называли пушкарями, а следивших за их исправностью - затинщиками. Воротники следили на охраной осторожных и крепостных входов. В каждом городе или остроге были свои конные и пешие казаки, пушкари, затинщики и воротники. Те же казаки несли и так называемые "стружную" и "лыжную" службы. Строгого деления на специальности воинского дела ни в XVI, ни в XVII столетиях еще не было. В челобитных и донесениях того времени встречаются, например, такие перечисления служб: "И был я, Государь, во всяких твоих службах и в службишках, и в пешей, и в конной, и в лыжной, и в стружной, и в пушкарях, и в затинщиках. и у строение острогов, и у сбора твоего, государева, ясака, в толмачах, и в вожах, и у проводывания новых земель и у подведения неверных под твою высокую руку..."

В противоположность вольному Донскому и Запорожскому казачеству. пополнявшемуся беглыми, недовольными московскими порядками людьми. Сибирское служилое казачество комплектовалось исключительно по царскому указу и воеводскому наказу, причем и за счет ссылки Сибирь пленных "черкас", литвы" и "немцев". Казаки "литовского списка", "черкасы" по-обыкновенно оставались в казаках навсегда, приняв православие и изменив свою фамилию, например, Ян Березуцкий становился Иваном Березовским, Иозеф Кобылянский - Осипом Кобылиным или Поляковым. Литвиновым; "черкасы" переименовывались в Черкасовых, Хохловых. Украинские (днепровские) казаки в документах того времени чаще назывались "черкасами", но многие фигурировали и как "литва", "литвины". Последним термином в Сибири обозначали не столько украинцев (и тем более литовцев), сколько белорусов, а также других выходцев с территории Речи Посполитой (в просторечии "Литвы"), в том числе, конечно, поляков, иногда, правда, выделяемых особо. Бывшие жители "Литвы" сыграли заметную роль в формировании

первоначального ядра сибирского казачества. Они упоминаются уже в числе самых первых "сведенцев" - ратных людей, направленных из Европейской России в Сибирь сразу же после похода Ермака, в том числе и на помощь ему, а по сведениям Строгановской летописи, «литва» и "немцы", служившие у Строгановых, принимали участие в самом "сибирском взятии".

По свидетельству одного из служилых, его отец, Матьяш Угренин (по происхождению, вероятно, венгр) "выехал из Литовской земли... на великих государей" имя при Иване Грозном и служил на Москве 7 лет, а как де Ярмек с товарищи Сибирь взял", был "прислан с Москвы в Сибирь в Тобольск в первых сведенцах охотою и служил в Сибири... многие службы лет с пятьдесят». О тобольском "литвине" Денисе Петрове его внук рассказывал, что он вышел... ис Польши ... к Москве", а после смерти Ермака "бил челом ... в Москве охотою, что ему служить в Сибири в Тобольску...".

Большинство "литвинов", "черкас" и прочих европейских "иноземцев" попадало в Сибирь, однако не по своей воле, а в качестве ссыльных. Как люди, хорошо знающие военное дело. "литва"¹¹ и "иноземцы" были особенно ценны на далекой восточной окраине Российского государства, откуда и при большом желании было трудно совершить успешный побег, и поэтому охотно направлялись московской администрацией на службу в Сибирь.

Дворяне и дети боярские в Сибири, не составляя особо организованного рода войска или сословия, служили в качестве «начальных людей», многие из них наряду со званием дворянина или сына боярского имели чины казачьих или стрелецких голов и атаманов.

В свою очередь, казаки и стрельцы "за свои и своих предков службы" нередко "жаловались" в дети боярские и дворяне. Историю некоторых их старинных казачьих родов можно проследить по документам. К примеру, Аршинский Богдан Павлович - тобольский сын боярский, казачий голова,

"литовца" из-под Орши сын (отсюда фамилия), еще в 1598 году сражавшегося с Кучумом, не раз участвовал в трудных экспедициях, осуществлял крупные торговые операции. Афанасий Черкасов, тобольский сын боярский - сын сподвижника Ермака Черкаса Александрова Корсака. Афанасий был в Тобольске атаманом новокрещенных татар и участвовал в нескольких походах. Гаврила Грозин, тобольский сын боярский, голова конных казаков - сын известного атамана Ивана Грозы. Как он сообщал в своей челобитной, его отец, вернувшись в Сибирь с первыми воеводами, участвовал во многих походах против царя Кучума и "царевичей", «ставил» города Тюмень, Тобольск, Тару, Томск.

Дворянства и казачества как строго обособленных сословий в то время в Сибири не было. Как казаки, так и дети дворяне боярские, стрельцы были просто служилыми людьми разных рангов, обязанными постоянной и бессрочной службой "доколе в силах" за определенное (как правило, ничтожное), "денежное и хлебное жалованье". Избы и дворы, в которых эти служилые люди проживали со своими семьями, были казенными, располагались около острогов и крепостей, образуя особые служилые стрелецкие и казачьи слободы; Такой способ размещения служилых людей сохранился и позднее.

А.Ю. Конев
В. А. Перевалов

У истоков сибирской почты

Современный мир немыслим без почтового сообщения, от простого бумажного конверта до новейших электронных средств связи. Человечество еще в древности изобрело множество способов передачи информации, которые все более совершенствовались по мере развития технического прогресса.

На Руси осуществлением транспортно-почтового сообщения - доставкой людей, грузов и писем издавна занимались ямщики, т.е. особая категория населения, для которых эта работа являлась главной сословной обязанностью. За свой тяжелый и опасный труд ямщики получали государево жалованье, наделялись земельными участками и имели право заниматься в свободное время торговлей и различными промыслами.

После присоединения Сибири значительно увеличилась и без того немалая государственная территория России, что потребовало срочного создания транспортного сообщения на новоосваиваемых территориях. *Но* как было сделать это в малонаселенном, диком крае? В этих условиях государственная власть возложила подводную повинность, среди прочих обязанностей, на коренное население Западной Сибири - татар, ханты и манси. Они были обязаны предоставлять лошадей и оленей, а на реках - лодки, для перевозки грузов, людей, пакетов и сопровождать их. Правда, для доставки срочной и секретной корреспонденции из столицы в уездные города и обратно специально отряжались конные казаки, причем такая практика сохранялась долгое время,

Обязанности по извозу и предоставлению подвод были весьма обременительным занятием для представителей аборигенного населения и выполнялись с неохотой. «Ясашные» неоднократно подавали царю челобитные об их освобождении от этой повинности. Понимая это, государство через некоторое время, когда в Сибири вслед за Тюменью и Тобольском были построены другие города и остроги и значительно увеличился приток русского населения, решило учредить здесь, как и везде ямскую гоньбу посредством русских ямщиков, хотя это не означало, что аборигенное население было полностью освобождено от подводной повинности. Первые в Сибири ямы (станы для перемены ямских лошадей) и ямские слободы (поселения ямщиков) были устроены в конце XVI в. в городах

Верхотурье и Гуринске. Несколько позднее появился ям в Тюмени. В 1600 г. тюменские татары подали челобитную царю *Борису Федоровичу Годунову*, в которой писали, что «подводы де у них под ... казну и под гонцов емлют, и те подводы [они] проводят до Тобольска, и от Тобольска до Верхотурья, и *or* Верхотурья до Соликамска, и с надсады де под ... казною и под гонцами многие лошади падут ... И им де вперед в подводах ... службы служить немочно». В ответной грамоте 28 января 1601 г. царь *Борис Годунов* указал тюменскому воеводе князю *Луке Щербатову* освободить тюменских татар от этой службы, а взамен учредить в Тюмени ям и набрать ямщиков из желающих. Каждый поступивший в ямскую службу имел право на денежную «подмогу» в размере 15 рублей, получал хлеб на семена, земельный участок и сенные покосы, но был должен содержать для ямской гоньбы трех лошадей.¹ Для управления всеми ямскими делами ямщики ежегодно выбирали из своей среды ямского старосту и десятников, подчинявшихся воеводе. Так как Тюмень в то время была одним из важнейших транспортных узлов Западной Сибири, уже в XVII в. здесь возник крупный ям с большим количеством ямщиков, а Ямская слобода еще в древнем городе превратилась в отдельный район.

Чем больше расширялась и совершенствовалась ямская гоньба, тем чувствительнее сказывался ее главный недостаток: нерегулярность отправлений. Во второй половине 60-х годов XVII в., наряду с нерегулярной ямской почтой, в Русском государстве появляется регулярная почта по немецкому образцу, организованная при активном участии крупного государственного деятеля боярина *Л.Л. Ордина-Нащокина*. Само слово «почта» (от латинского «побита» - остановка для смены лошадей), было заимствовано из немецкого языка в значениях «новость, известие, почтовая контора». В конце XVII в. вопросами внутреннего почтового сообщения занимался Ямской почтовый двор, а корреспонденцией, отправляемой за границу «к немцам» ведал *Матвей Вишус*, сын думного дьяка *Андрея*

Виниуса - главы Сибирского приказа. Не случайно, что с деятельностью *Л. Виниуса* связаны первые попытки (по-видимому, безуспешные) по организации «ординарной почты до Тобольска и до Китайской границы»³.

При *Петре Великом*, почта, находившаяся, по сути в руках частных лиц, становится в полном смысле государственной службой. «Немецкая почта» от *М. Виниуса* перешла в ведение сподвижника Петра I крупного дипломата *Петра Шафирова*, который в 1722 г. становится первым генерал-почт-директором. Были предприняты меры для придания ямской гоньбе регулярного характера. В Санкт-Петербурге была создана Ямская канцелярия - центральный орган управления ямским и почтовым сообщением в государстве. По указу Его Императорского Величества от 20 мая 1720 г. велено было «в знатных городах по большим дорогам учинить ординарную почту, а именно: от С. Петербурга до Москвы и до других городов по дважды, а в прочих губерниях и провинциях по однажды в неделю для посылки из коллегий и канцелярий указов и писем». Правда, в Сибирской губернии положения этого указа, как свидетельствуют источники, не были реализованы и к середине 30-х гг. XVIII в.⁴

В 1719 г. указом Сената всем губернаторам, в том числе и сибирскому, было предписано прислать в столицу ведомости, «против устроенной от Санкт-Питербурха обыкновенной почты в городех Сибирской губернии, в том числе и на Тюмени, есть ли, и каким образом она почта содержитца, и на каком иждивении, и в которых городех, и **селех**, и деревнях, и чрез сколько верст росстоянием. и по сколько лошадей на стану, и под чьим ведением, а буде почтовых учрежденных лошадей нет, то какими подводами граждане управляютца, и чрез сколько верст»/ В Государственном архиве Тюменской области сохранился ответ на этот запрос. В этом цепном документе содержатся интересные сведения о состоянии почтового дела в Тюмени в первой четверти XVIII в.

Но справке, наведенной тюменскими канцеляристами в архивах, «в городе Тюмени учрежденной почты нет, а с прошлых лет изстари учинен на Тюмени для отправления подвод ям, и приверстаны ямщики, и всякие почтовые и другие подводы отправляют они». Тогда за необходимыми сведениями обратились к тюменским ямщикам.

Ямской староста *Дмитрий Медведев* и все остальные ямщики (источники позволяют нам восстановить имена тюменских ямщиков-почтарей того времени - *Петр Королев, Ефим Панков, Яков Соколов, Леонтий Дворников, Петр Кухтерин. Лука Молоткин, Иван Королев, Василий Брюханов, Никифор Пименов, Матвей Чернышев, Иван Пятков, Киприан Казанцов, Филипп Коломинов, Андрей Шукин Большой, Василий Шахов, Василий Шкутин, Петр Антропов, Иван Шабуров*) подали в канцелярию сказку (ответ), в которой написали, что «особливой де учрежденной почты у них, ямщиков, на Тюмени нет и преж сего не бывало», а для «для подводного отправления» по царским указам были определены в ямщики «с прошлых де лет изстари деды и отцы их». Почтовые и другие подводы в Тюмени они отправляли по подорожным как из Москвы и Санкт-Петербурга, так и других городов, разверстывая поездки по очереди между собою, ямщиками, по паям (долям). Тюменские ямщики обслуживали дорогу в Сибирь на протяжении от Туринска до Тобольска, в обоих направлениях. В XVIII в. расстояние от Туринска до Тюмени считали в 120 верст, а от Тюмени до Тобольска - в 180 верст. Так как собственно ямских лошадей на яму. как правило, не имелось, ямщикам приходилось для каждой поездки нанимать лошадей. Наем лошади зимой, когда устанавливалась хорошая дорога, обходился от Тюмени до Тобольска в два рубля, а до Туринска - в один рубль. Весной и осенью, когда на проезжих дорогах наступала непролазная распутица, наемная цена для поездки в Тобольск взлетала до 6-8 рублей, а в Туринск - до 3-4 рублей. Для покрытия этих немалых расходов ямщикам, как мы

уже знаем, было положено жалование от государства в размере 1300 рублей. Ведь по словам ямщиков, «кроме де их ... такие почтовые и ямские подводы другие граждане никто не отправляют».⁶

Таковы начальные этапы становления и развития почтового дела в Сибири.

¹ 400 лет Тюмени. Свердловск, 1985. С. 28.

² Почтовые ведомости. 1997. № 23. С. 3.

³ ПСЗ-1. Т. IX. №6376.

⁴ Там же; ПСЗ - I. Т. VII. № 4529.

⁵ ГАТюмО. И-47. Оп. 2. Д. 3696-а. Лл. 1 - 1 об.

⁶ ГАТюмО. И-47. Оп. 2. Д. 3696-а. Лл. 1 об. - 2 об

Р.Н. Рахимов

Сибирская и Оренбургская пограничная линии: Юго-Восточная граница России

История многих современных субъектов Российской Федерации являет собой историю пограничных территорий в течение XVII-XIX вв. Это в равной мере относится как к республикам Кавказа, так и к субъектам федерации находящимся на территории Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Забайкалья. Несомненно, такой пограничной территорией в XVII-XIX вв. был Башкортостан, добровольно вошедший в состав России в XVI в.

Изучение истории Западной Сибири и Башкортостана или Оренбургского края, как он назывался в XVIII -1 пол. XIX в. показывает, что между ними много общего, особенно в области военного строительства.

Для XVI-XVII вв. мы видим общие как для Башкортостана, так и для Западной Сибири процессы освоения территории

государством: строительство острогов, крепостей которые населялись служилыми людьми, казаками. И в Сибири и на Южном Урале местное население обязывалось платить ясак, при сохранении религии, культурного и хозяйственного уклада.

В XVIII в. начинается строительство пограничных линий Сибирской и Оренбургской, которые прикрывали юго-восточную границу России. И в Западной Сибири, и в Оренбургском крае существовал единый подход к порядку несения службы на линиях. Это были части регулярной армии: Сибирские и Оренбургские полевые батальоны, гарнизонные батальоны и полки, казачьи войска: Яицкое (Уральское), Оренбургское, Сибирское.

В дальнейшем полевые батальоны при Павле I стали основой для создания мушкетерских полков Российской армии: Екатеринбургского, Бутырского, Уфимского, Селенгинского.

Для обеспечения гарнизонов, вытянутых на многие сотни километров линий, государство к несению службы привлекало башкир, которые с 1798 г., с введением кантонной системы управления стали военно-служилым сословием. Если на Оренбургскую линию башкиры командировались сроком на 6 месяцев, на летнюю либо зимнюю службу, как и казаки, то для службы на Сибирской линии, срок командировки составлял год. Службу башкиры несли на собственных лошадях, со своим вооружением, снаряжением. В процессе службы полагалось небольшое жалование для обеспечения питанием и фуражем воинов.

Лишь после Отечественной войны 1812 г. практика привлечения башкир к службе на Сибирской линии была отменена, так как она была достаточно тяжела для башкир. Одновременно обе линии представляли собой место, где происходили социокультурные контакты между разными народами, культурами степи и оседлого населения, мира кочевником и земледельцев.

Именно через эти линии Россия в течение XVIII - I пол. XIX в. осуществляла дипломатические сношения с Китаем, Бухарой. Кокандом, Хивой. Афганистаном, Индией. Кроме дипломатических функций, губернаторы обеих территорий должны были заботиться о развитии торговли, которая осуществлялась с большим размахом.

Конечно, основным предназначением пограничных линий была защита территории Империи и ее поданных от набегов кочевников. С началом активизации политики России на Востоке, обе пограничные линии начинают играть ключевую роль в продвижении России на юг в Туркестан. Те воинские силы, которые имелись на них, по сути, без какого-либо усиления за счет частей регулярной армии и стали основой российских войск завоевавших Туркестан в 1864-1885 гг. Это позволяет сделать вывод о достаточно хорошей выучке войск находившихся на линиях.

Продвижение границы далеко на юг, начало интеграции казахских степей в Российское государство, что снимало проблему безопасности для жителей Сибири и Урала, привели к ряду радикальных изменений на бывших пограничных линиях. Сибирское казачье войско стало основой для создания Семиреченского. Забайкальского, Амурского, Уссурийского казачьих войск. Башкирское войско, наоборот, в 1865 г. было упразднено. Основной службой Уральского и Оренбургского казачьих войск стало участие в походах Российской регулярной армии.

Таковы общие и особенные моменты, связанные с военной историей Западной Сибири и Южного Урала в XVII -I пол. XIX вв. Несомненно, дальнейшие исследования позволят выявить и иные закономерности развития, причем не только в военной области, но и в административной политике, управлении. социальных отношениях.

Крайний Север Западной Сибири в конце 1930-х гг.

Со второй половины 1930-х гг. указанная территория входила в состав Омской области в рамках Ямало-Ненецкого автономного округа. Исследуемый период характеризуется существенными изменениями, произошедшими в жизни края в результате трансформации традиционного общества и охватившими все сферы жизни коренных народов.

Весной 1939 г. в Салехарде состоялась шестая окружная партийная конференция, которая подвела итоги социалистического строительства на Ямале. Рассмотрим важнейшие факты политической, экономической и культурной жизни сурового края в те годы.

В административном отношении округ состоял из шести районов: Приуральский, Ямальский, Надымский, Пуровский. Тазовский и Шурышкарский, вошедший в 1938 г. из Остяко-Вогульского округа(ТО1.ЩНИ. Ф.135. Оп.8. Д.1. Л.93. 100). В округе проживало 45 840 человек. Русские составляли 42,12% населения, коренные народы: ненцы и ханты-41.33% (РГАЭ. Ф.1562.Оп. 336. Д. 316. Л. 8.)

Избирательная кампания 1939 г. прошла на высоком уровне. В выборах в Верховный совет СССР участвовало 90% избирателей, в Верховный совет РСФСР-96,4%, в областной совет-99,5%, в окружной-99,3%, **районные-99,3%**, сельские-99,1%(ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 9. Д. 3. Л 10.)

К концу 1930-х гг. в округе почти завершилась коллективизация. В 1939 г. процент охвата колхозами составлял-72,2; в 116 колхозах числилось 3 249 хозяйств. Самым высоким процент коллективизации был в Шурышкарском -99% и Надымском-95% районах, а самым низким в Пуровском районе-52%.(Там же. Оп. 8. Д. 1. Л. 92.)

Колхозное хозяйство было по своему отраслевому составу рыбацко-оленоводческим. В 1938 г. колхозы дали 42% всей рыбодобычи округа. В колхозном стаде насчитывалось в 1939 г. 396 179 голов оленей, что составляло 41,1% всего поголовья округа. (Там же. Л. 97-98.). В 1936 г. в колхозы округа завезли племенной скот: Ярославской породы-26 голов; Белую английскую породу свиней-120 голов и Романовскую породу овец-20 голов. (Там же. Л. 101.)- В 1937 г. поголовье скота в округе составляло: лошадей-1013 голов; крупного рогатого скота-1055; свиней -399; овец-92. (Там же. Л. 100.)

Распространенными заболеваниями у животных были: копытная болезнь и бруцеллез, и хотя ветеринарное обслуживание улучшилось (в 1938 г. в округе работали 18 ветврачей и 29 фельдшеров), ситуация в животноводстве оставалась неблагоприятной. Ежегодно падеж оленей исчислялся десятками тысяч. В 1940 только от истощения пало 23 тыс. животных. (Там же. Ф 722. Оп. 2. Д. 25. Л. 112.) Развивалось и огородничество. В 1938 г. площади открытого грунта составляли 78,2 га, площади теплиц-1 772м.кв., парники насчитывали 1 846 рам. Выращивались следующие овощные культуры: капуста, брюква, картофель, репа, огурцы, помидоры (Там же. Ф. 135. Оп.8. Д. 1. Л. 100.). Однако ведущей отраслью хозяйства округа оставалась рыбодобыча и переработка рыбы, Крупнейшим предприятием округа являлся Салехардский консервный комбинат, выпускавший значительный ассортимент продукции. Обеспечение комбината сырьем, требовало бесперебойного поступления рыбы, а значит снабжения рыбаков средствами и орудиями лова. Для этого была создана Ямальская машинно-промысловая станция (МПС). Спецодежды и обуви не хватало, особенно бродней. В путину 1939 г. станция не додала 360 пар данной обуви. В том же году округ заготовил 19 525ц рыбы-сырца (Там же. Л. 92.)

Важную роль в хозяйственном развитии округа играла зональная опытная станция, задачей которой являлась научная

разработка методов освоения Крайнего Севера в области животноводства, земледелия и промыслового хозяйства. Научно-исследовательская работа велась по следующим направлениям: агрохимия и почвоведение; возделывание овощных культур в открытом и закрытом грунте; промбиология и др.

Произошли определенные позитивные изменения в социокультурной сфере. В 1938г. в округе была 41 школа и 23 интерната, в них обучалось 3 820 учащихся и работали 192 учителя, 5 из которых относились к коренным национальностям. Не охвачено школой по приблизительным подсчетам 1 101 ребенок, из этого числа дети аборигенов составляли 88%. Высшее образование среди учителей имели 10 человек, незаконченное высшее-28; среднее специальное-16; незаконченное среднее-21; начальное-5. Лучше обеспечены кадрами были русские школы, а в национальных имелся недокомплект, особенно в отдаленных районах тундры. В Тазовском районе неграмотность составляла 95-98%: на весь район приходило четыре экземпляра газеты «Правда» (ТОЦНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 5; 105; 108.) Детей в садах и яслях -лишь единицы . От Ярсале до Сеяги, на расстоянии 600-700 км не было ни одного интерната. По плану на 1940 г. предполагалось, что интернатами будет охвачено 135 детей ненцев (Там же. Ф. 722. Оп. 2. Д. 25. Л. 113.). В 1936 г. комиссия Окроно обследовала базовую школу округа-Салехардскую. В акте говорится, что » с 1 сентября 1935 г. школа размещается в новом здании. Наблюдение за порядком отсутствует. Нет лозунгов. В классах не уютно. Нет расписаний уроков, портреты без рамок. Мебель не соответствует возрасту учащихся. Внешний вид классов не организует учащихся для учебы.»(Там же. Ф. 135. Оп. 5. Д. 20. Л. 13.). Созданная аттестационная комиссия Окроно сделала вывод о совершенно неудовлетворительном состоянии работы школ округа. Основными недостатками являлись: низкая грамотность

учащихся, у большинства учителей нет соответствующего образования, отсутствие методкабинетов, нехватка учебной и методической литературы, отсутствие горячих завтраков, перебои с дровами и т. д. (Там же. Л 57.)-

Организации культурной, санитарно-просветительской работы способствовали и специфичные для Севера пункты: красные чумы. Дома ненцев, культбазы. В 1939 г. на Ямале действовало 8 красных чумов, 5 Домов ненца, 8 клубов, 6 библиотек, 13 изб-читален, 5 киноустановок. Общий книжный фонд составлял 33 700 экземпляров (Там же. Л. 108.).

В области здравоохранения в указанные годы наметились положительные сдвиги. В 1938 г. в округе насчитывалось 12 больниц, 18 амбулаторий, 17 фельдшерских пунктов. В них работали 34 врача, 61 работник среднего медперсонала. Среди эпидемических заболеваний наиболее распространенными были: тиф, корь, дизентерия, грипп (Там же. Л 110-111). В тундре медицинское обслуживание почти отсутствовало. В докладной записке секретаря окружкома Я.А. Шиляева сообщалось: » \4е медицинские работники в тундру не выезжали, отношение отдельных медицинских работников к национальному населению пренебрежительное. Например, в колхозе «Харп» лежал больной ненец-охотник в течение двух недель, не вставая с постели. Работники Ярсалинской больницы его знали, потребовалось мое вмешательство через райздрав, чтобы больного доставить в больницу. Амбулаторным лечением в 1940 г. было охвачено 27 834 человека, из них ненцев всего лишь 919, или 4% к общему числу « (См.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. Тюмень, 1994. С. 289.).

Усилиями русской интеллигенции были достигнуты определенные сдвиги в культуре края, однако эти успехи сопровождались неоправданно большими потерями в области традиционной культуры, психологии и нравственных устоев северных народов. Насаждение колхозов, перевод кочевников на

оседлость, вербовка детей в школы- основные черты жизни тех лет.

С. Г. Сизов

Некоторые особенности проявления инакомыслия в Западной Сибири в 1953-1964 гг.

Изменение обстановки в СССР после смерти Сталина дало толчок развитию общественно-политической активности населения, в особенности молодёжи и студенчества. После XX съезда КПСС дискуссии по самым различным проблемам общественной жизни, конференции по литературным новинкам нередко принимали весьма острый характер. Польём волны инакомыслия был вызван, прежде всего, разоблачением «культ личности Сталина» и заметным снижением порога общественного страха-

После событий осени 1956 г. в Венгрии и Польше советское руководство было сильно обеспокоено этими процессами. Начиная с 1957 г., растёт поток осуждённых по политическим мотивам (ст. 58-10 УК РСФСР 1926 г.). Сигналом к этому послужило Закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Превентивные идеологические, административные и уголовные меры должны были навести порядок

Пик уголовного преследования за инакомыслия при Хрущёве приходится на 1957-1958 гг. Ситуация с уголовными преследованиями по статье 58-10 в Западной Сибири точно повторяет общесоюзный всплеск. Например, в Омской области за эти годы было осуждено по ст. 58-Ю УК 39 человек. Среди осуждённых в эти годы жителей Западной Сибири были

представители самых различных социальных слоев населения. Немало было граждан, выражавших недовольство или даже писавших резкие письма руководству страны в связи с тяжёлым материальным положением. Были случаи расклейки листовок с призывом бороться с существующей системой.

Были и более редкие, но достаточно характерные для эпохи уголовные дела. В частности, в 1958 г. в Омске был осуждён по политической статье Виктор Миль, требовавший разрешения на выезд за рубеж. В том же году срок получил Борис Леонов, ранее уже отбывавший заключение по ст. 58-10. Как и в первый раз он был осуждён за написание художественных произведений, признанных «антисоветскими».

Нередки были случаи осуждения по политическим статьям уголовников, которые использовали антисоветские надписи и листовки для перевода в политический лагерь, где режим, по их мнению, был несколько мягче. Имели место проявления недовольства теми или иными явлениями жизни у психически больных людей. Обычно после расследования такие люди направлялись на принудительное лечение в психиатрические больницы.

Довольно заметны критические и оппозиционные настроения в отношении существующей власти проявлялись среди западносибирского студенчества. Чем же были недовольны студенты в конце 1950-х гг.? В Спецзаписке Управления КГБ по Омской области, направленной в обком КПСС в 1959 г., приводятся некоторые «клеветнические измышления» студентов. Весьма характерны, например, заявления студентов о том, что за границей жизнь намного лучше, а трудящиеся СССР живут в тяжёлых материальных условиях. В ряде высказываний обращается внимание на то, что в СССР «нет демократии», «нет права выдвижения нескольких депутатов». Среди других «антисоветских проявлений» в документе упоминаются: «неверие в сообщения советской печати и радио», «неверие в мероприятия партии и Советского

правительства по сельскому хозяйству», прослушивание и распространение содержания «антисоветских передач «Голоса Америки» и «Би-Би-Си»». Не было пропущено и негативное отношение одного из студентов к расправе над Б. Пастернаком. Большинство упоминаемых в записке обвинялось также в распространении анекдотов «политически вредного содержания» или просто «антисоветских анекдотов».

Особую тревогу Омского УКТБ вызвали разговоры студента В. Морозова о необходимости создания новой молодёжного объединения «Новой организации комсомольского актива» («ПОКА»), которая задумывалась как альтернатива официальному ВЛКСМ. Морозов посвятил в свои планы нескольких своих товарищей, большинство которых их поддержали.

Несмотря на подобные критические высказывания, к уголовной ответственности за «антисоветскую агитацию» в эти годы студентов привлекали сравнительно редко. Нам известны лишь два подобных случая: дело Виктора Швейника (Томск) и дело Юрия Горбика (Омск). Но со всеми студентами, попавшими в поле зрения спецслужб, была проведена так называемая «профилактическая работа по предупреждению фактов антисоветских проявлений», т.е. они были предупреждены об ответственности и давали обязательство прекратить «политически вредные разговоры». (По нашим данным только в одном Омске за первую половину 1959 г. было «профилактировано» 25 студентов). Надо признать, что такая форма коррекции политического поведения молодежи была более гуманной, чем методы работы сталинского НКВД. Вместе с тем, подобная форма вполне может быть отнесена к внесудебным репрессиям, поскольку представляла неприкрытое давление на гражданина с целью отказаться от своих убеждений. Кроме того, после «профилактики» в УКТБ, нередко следовало исключение не только из комсомола, но и из вуза.

Достаточно активно критические настроения распространялись и среди вузовской интеллигенции. В 1957 г. за проявления инакомыслия были изгнаны из Томского педагогического института некоторые преподаватели-

обществоведы Эрик Юдин, Игорь Шакинко, Юрий Куперт, Николай Хохлов. В марте 1957 г. появилось специальное решение Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О неудовлетворительном состоянии политической работы среди интеллигенции в Томской областной партийной организации?». В этом документе ставился вопрос о более активной работе партийных органов по контролю над общественно-политической обстановкой в вузах.

Количество осужденных по политическим статьям в Западной Сибири заметно ослабляется к началу 1960-х гг. Власти все чаще используют «профилактическую работу» с населением: граждан посмеявших не соглашаться с официальными нормами органы КГБ официально предупреждают (под расписку) о возможности привлечения к уголовной ответственности.

Одновременно наблюдаются попытки властей определить новые идеологические установки и рамки дозволенного. Боязнь КПСС потерять контроль над литературой и искусством привела к травле Бориса Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии. Советские руководители были обеспокоены тем, что пример передачи рукописи на Запад может оказаться заразительным и для других писателей (что подтвердилось позднее делом Синявского и Даниэля). В связи с этим проводятся встречи руководства КПСС с художественной интеллигенцией. Подобные встречи проходили и в Западной Сибири. Здесь также имели место факты внесудебных репрессий против отдельных писателей и художников. В частности, резкой критике был подвергнут писатель Леонид Шевчук. Его книгу - «Торжественная весна», Омский обком КПСС объявил «порочной» и ее тираж в 1961 г. был уничтожен. В дальнейшем, писатель был лишён возможности печататься и ему не раз угрожали тюрьмой.

Параллельно в начале 1960-х гг. разворачивается кампания по борьбе с «формализмом» и «абстракционизмом» в изобразительном искусстве. Острой критике за «отклонение от

норм социалистического реализма» подвергались такие западносибирские художники как Николай Брюханов и Николай Третьяков. Н. Брюханов был вынужден надолго уехать из Омска.

В начале 1960-х власти заметно усиливают атеистическую пропаганду и пытаются усилить контроль над деятельностью религиозных объединений. Одновременно активизируется работа органов КГБ против церковнослужителей и верующих. Особенно большое внимание в эти годы уделялось борьбе с незарегистрированными общинами. Для высылки руководителей нелегальных религиозных общин в этот период используется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. направленный на борьбу с «антиобщественными элементами»: «тунеядцами», «спекулянтами», «предпринимателями». Осуждение по этому Указу проводилось **районными** судами, и дела эти по истечению 5-летнего срока хранения были уничтожены. Нами установлено, что за полтора года в Омской области по этому Указу было осуждено 14 «руководителей нелегальных сект». В качестве наказания назначалась ссылка па срок от 1 до 5 лет.

Религиозные общины (баптистов, адвентистов, менонитов, свидетелей Иеговы) зачастую были вынуждены существовать на нелегальном положении, поскольку власти отказывали им в регистрации. В ряде случаев общины действительно уклонялись от регистрации, т.к. вмешательство властей в религиозную жизнь были для них неприемлемыми (в особенности недовольство верующих вызывали запреты на религиозное воспитание детей в «воскресных школах» и проповедническую деятельность).

Изучение документов и воспоминаний позволяет констатировать, в Западной Сибири во второй половине 1950-х гг., среди населения существовали критические, а, в отдельных случаях, и ярко выраженные оппозиционные настроения. В большинстве своём эти настроения отражали недовольство населения тяжёлым материальным положением, недемократичностью советского режима, отсутствием целого

ряда политических прав и свобод, недостоверностью информации советских газет и радио. Широкое хождение имели политические анекдоты, было немало людей, прослушивающих зарубежные радиостанции. Власти ответили на подъём инакомыслия усилением идеологической работы, активизацией профилактических мероприятий органов КГБ и судебными репрессиями.

Степанова В.В.

Сибирь и колониальные проблемы в Европе и России.

В настоящее время произошло расхождение исторических линий отечественной и всеобщей истории. Сегодня попытки создания общей картины мировой истории, с включением истории отечественной в историю мировую, встречает большие трудности как методологического, так и фактологического плана. Нам представляется актуальным акцентировать хронологическую и культурно-историческую целостность Европы и России на протяжении длительного мирового развития.

Процессы, происходящие в Европе, получали своеобразное отражение в русской истории. В XIX веке каждая европейская страна имела свое собственное место в общественной жизни Европы. Франция была эталоном общественной жизни, законодателем мод. В Париж стремились те, кто хотел весело пожить, потратить свои деньги, получить внешний лоск образованности. Англия и Северная Америка притягивали своей промышленностью и торговлей, неординарными политическими деятелями. Особенно поражало европейцев в этих страна то, что «труд лежал в основе всего, а самоуважение, самоуправление являлись символами, не подвергающиеся сомнению»/!/.

Германия в XIX веке превратилась в умственный центр Европы, страну науки: «Сюда едут те, кого не интересует водоворот маскарадов, ни деятельность лондонских доков и бирмингемских фабрик. Сюда едут учиться. Цвет германской нации сосредоточен в умственной жизни страны. Смелая мысль выливается не в политический переворот, как во Франции, а в создании философской системы, обнимающей своим построением весь мир» 121.

Россия тяжело поддавалась изучению и пониманию. Она противостояла Европе своим климатом, внутренними преобразованиями, религиозными и политическими институтами. Особо отмечался зарубежными наблюдателями, историками тот факт, что в новой истории русский трон не был вакантным и не становился предметом споров /3/.

Многие авторы говорили о сильном влиянии старой аристократии в России в XIX веке в армии, управлении страной, о ее живучести /4/.

Колониальная проблема представляла в новое время наибольший интерес для общественного мнения Англии. Голландии, Испании, Португалии /5/.

Колониальная система до XIX века была одинакова во всех государствах. Она включала «эксплуатацию колонией метрополией и исключение влияния прочих государств». В начале XIX века эта политика изменилась, и сложились три разнородные колониальные системы (голландская, английская, французская). Голландия создала систему доходных колоний, используя не эксплуатацию колониального населения, а повышение «колониальной производительности». 25 тысяч голландцев держали в руках большую часть Ост-индского архипелага с 29 тыс. кв. миль, с 20 млн. туземцами и извлекали огромный доход. Голландия получила в 19 веке 51202600 гульденов чистого дохода. Этим она обязана гению генерал-губернатора Явы генералу Ван-ден-Боша, который в 30-е годы ввел в колониях, приносящих до того одни убытки, широкую

культуру предметов потребляемых Европой: кофе, сахар, табак, индиго. Газеты писали, что «счастлива та страна, где генералы употребляют свои таланты на разведение кофе» /6/.

Значительно позже колониальными проблемами занялась Германия. Профессор Г. Кейтген, которому поручили составить программу лекций в колониальном институте города Гамбурга, включил в программу лекции по истории и культуре России для немецких коммерсантов. Его основной аргумент состоял в доказательстве того, что Германия оказалась совершенно не знакомой с азиатской частью России, а также русской колониальной политикой в Сибири. Германские купцы и промышленники часто жаловались на свое полное незнание условий русской жизни, что существенно отражается на ведении торговых и промышленных дел *III*.

Можно ли считать завоеванные и присоединенные Россией территории колониями? Каковы особенности политики России в Сибири в XIX веке, представляющей одну из этих территорий или колоний Российской империи? Понимание этой проблемы позволяет определить будущее этой территории.

Зарубежная пресса, политические деятели, считали, что такие части российской территории как Кавказ, Туркестан, Киргизская степь, Амурский и Уссурийский край, Сибирь. Камчатка, Курильские острова и Сахалин, Мурманский берег, похожи по экономическим и административным условиям на колонии европейских государств.

В России официально не пользовались термином колония. В русских газетах и журналах XIX века много говорилось о колониальных проблемах других стран, но ничего о колониях России.

Сибирь была завоевана медленно и постепенно. В Российской империи формируется под влиянием этого процесса основной принцип внешней политики: «Россия не грозит Европе. Будущность и наличие русской расы не на Западе, а в

успехах в Азии - естественной области распространения русского влияния»/8/.

Потеря государственной самостоятельности является важнейшим признаком создания колонии. А русское государство, навязывая свой контроль, размещая казачьи отряды и своих чиновников, создавая в Москве Сибирский приказ в 1637 году, который Ф. Бродель сравнивает с Советом Индии, сформировала именно колониальный тип управления/9/.

Именно этот приказ создал сибирскую администрацию, находящуюся под полным контролем центральной власти, взял под жесткий контроль торговлю мехом, а позднее золота и других товаров. Но из-за огромных пространств Сибирь превращается в своеобразную территорию-колонию, что существенно повлияет на последующую историю русского государства. Удержать полный контроль над торговлей не удалось. Города и ярмарки Сибири превратились в сеть обмена русских и европейских товаров на товары из Китая, Индии, Персии. «Денежные приманки» от торговли в Сибири привлекали торговый капитал русских и зарубежных купцов.

Сибирь становится связывающим звеном Европы, России и Азии, сочетая в своем лице колониальный статус и инновационные процессы, происходящие в этих регионах.

Примечания:

1. Санкт-Петербургские ведомости. 1860. 6. Январь.
 2. Санкт-Петербургские ведомости. 1860. 6. Январь.
 3. Schmeidler W.F. Das Russische Reich unter Kaiser AlexanderII. Berlin. 1878. S. 180.
 4. Rutland unter Alexander II Nikolaewitsch. Leipzig. 1860. S.21.
 5. Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 10. Февраль.
 6. Allgemeine Zeitungen. 1878. 29. Januar.
 7. Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 5. Марта.
 8. Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 30. Января.
- Бродель Ф. Время мира. МЛ 992. С. 470.

Образование переселенческих участков в Тобольской губернии в годы столыпинских преобразований

В начале XX в. Сибирь становится основным районом колонизации в России. Тобольская губерния по популярности у аграрных мигрантов по-прежнему занимала важное место среди четырех сибирских губерний, хотя и уступила первенство соседней Томской губернии, куда в годы столыпинских преобразований направлялся самый мощный миграционный поток.

В 1906-1914 гг. в Тобольскую губернию ежегодно переселялось в среднем 19,3 тыс. человек. Апогей переселенческого движения пришелся на 1907-1908 гг., когда в губернию ежегодно пребывало около 28 тыс. человек.

Прибывшие из Центральной России аграрные мигранты водворялись главным образом в районах, расположенных в земледельческой полосе Тобольской губернии.

Размещение переселенцев по территории губернии было явлением весьма сложным, поскольку существовал ряд факторов, определявших заселение тех или иных районов. Среди них в первую очередь можно выделить степень хозяйственной освоенности районов водворения (наиболее популярными являлись традиционные для заселения уезды Тобольской губернии - Тарский, Тюкалинский, Ишимский и Ялуторовский), их колонизационный потенциал и фактор ландшафтной взаимозависимости районов выхода и вселения.

Обследования хозяйств крестьян-переселенцев, проведенные в Тобольской губернии в 1909 г. обнаружили, что лесные участки более чем на 80% были заняты мигрантами из белорусских, прибалтийских и приуральских губерний. Степные и лесостепные участки наполовину были заселены

переселенцами малороссийских и центрально- земледельческих губерний.

Выбор районов водворения переселенцами определялся также наличием возможности реализовать традиционные для них промыслы.

Образование переселенческих и запасных участков возлагалось на специальные поземельно-устроительные и межевые партии, образованные при Министерстве государственных имуществ. Временные правила, утвержденные 13 июня 1893 г. «для образования переселенческих и запасных участков в районах Сибирской железной дороги», предписывали начинать работы по отведению участков с волостей, прилегающих к железной дороге и расположенных близ станций. Поскольку к началу XX в, наиболее благоприятные для заселения и хозяйственной деятельности территории Тобольской губернии были уже густо заселены (Тюкалинский, Курганский, Ялуторовский уезды), ю переселенцы стремились осесть на соседних территориях. Землеотводная политика правительства в годы столыпинской аграрной реформы, проводимая в соответствии со стратегическими задачами государства, способствовала сдвигу в размещении переселенческого населения в сторону малоосвоенных и труднопроходимых лесных районов земледельческой полосы губернии.

Преобладающей формой расселения было водворение на переселенческих участках. К январю 1916 г. в Тобольской губернии на переселенческих участках разместилось 88,6 % всех осевших к этому времени мигрантов.

Другой формой расселения было водворение в старожильческих селениях. К январю 1916 г. в них осело 8,3 % всех крестьян, переселившихся в губернию. Водворение к старожилам зависело от некоторых обстоятельств. Во-первых, приписаться к их селениям могли лишь достаточно крепкие в экономическом смысле крестьяне (стоимость приговора

сельских обществ достигала 200 руб.), а доля таковых в общем переселенческом потоке не была высока. Во-вторых, возможность приписки к старожилам напрямую зависела от емкости свободных земель их селений, которые стремительно сокращались в связи с активизацией землеотводных работ, развернутых правительством. И, наконец, водворившиеся в старожильческих селениях переселенцы могли рассчитывать на получение домообзаводственной ссуды лишь в размере 50 % от предусмотренной суммы.

Основная масса переселенцев в годы столыпинских преобразований водворилась в переселенческих поселках, которые превратились в достаточно крупные населенные пункты сельской местности. В Тобольской губернии в начале XX в. возникло более 1000 новых сельских обществ. В 1906-1914 гг. в губернии было образовано 947 переселенческих участков. Как и в пореформенный период, наибольшее количество участков было отведено в Тарском (436) и Тюкалинском (160) уездах. Много переселенческих участков заготовили в лесных округах: Тюменском (91), Туринском (63), Тобольском (36).

Наряду с возникновением и ростом чисто переселенческих поселков расширились и многие старожильческие селения за счет причисленных к ним новоселов.

С.С. Кондрахина

В.Н. Татищев и собирание материалов по истории и географии Зауралья

Во время вторичного пребывания в Сибири (1734-1736 г.г.) главной задачей В.Н. Татищева стало «сочинение обстоятельной Российской географии». Однако работа эта оказалась сложнее, чем представлялось вначале. Для неё потребовались

исторические изыскания, поскольку географию «без достаточной древней истории... начать и производить невозможно». По признанию самого Татищева, «об оной истории много искать неоткуда». Исторические, географические и этнографические сведения о Сибири были почерпнуты им сначала из немногочисленных повествовательных источников. Однако они не отвечали требованиям, предъявленным Татищевым к общему географическому описанию Сибири. Иностранные труды изобиловали неточностями, отечественных географических описаний почти не было. Собранный материал годился в лучшем случае для составления древней истории Сибири. Получить же сведения о современном положении Зауралья Татищеву не представлялось сложной задачей.

Для реализации своего плана, он воспользовался уже известным русской науке способом анкетирования. Татищевым был составлен подробный вопросник, состоящий из 92 пунктов, касающихся истории, географии, экономики и народонаселения. Не дожидаясь замечаний Академии наук, он разослал этот вопросник по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири. Организацию анкетирования Татищев возлагал на подчиненный ему сибирский административный аппарат. По замыслу Татищева ответы на вопросы должны были послужить **обильным** и свежим материалом для написания труда по географии и истории Сибири.

В соби́рание материалов о Сибири Татищев пытался вовлечь и Петербургскую Академию наук, которую он неоднократно просил об «апробации» своих работ, а также о помощи ему литературой, однако Академия весьма прохладно отнеслась к деятельности первого российского историка.

Ответы на подготовленные Татищевым вопросы поступали из сибирских канцелярий весьма медленно, да и анкета, составленная в 1734 г., видимо мало удовлетворяла самого Татищева, так как за первым им был разработан второй, более подробный и разнообразный вариант «предложения» из 198

Оценка П.Н.Буцинского дана в работах В.Г.Мирзоева и М.Ъ.Шейнфельда. Заслугой ученого признается новизна выдвинутых задач исторического изучения Сибири на первичном архивном материале и несомненная научность его трудов.

По книге П.Н.Буцинского мы можем судить о процессах основания городов, деревень, развитии земледельческого и промышленного хозяйства, об отношениях русских к инородцам.

Обратимся к рассмотрению П.Н.Буцинским ранней истории одного из первых городов Зауралья - Пелыма.

Как отмечает П.Н.Буцинский, "верхние места" Конды, а "также река Пелым, впадающая в Тавду, слишком далеко отстояли от Тобольска, и потому тамошних вогулов и остяков трудно было заставить платить дань". Царский указ, - как пишет П.Н.Буцинский, - предписывал князю П.И.Горчакову вместе с В.Траханиотом и другими воеводами и головами прибыть в Лозьвинский городок к весне 1593 года, а оттуда, как пройдет лед, по реке Лозве спуститься в Тавду и построить город, или на месте татарского городка в "Таборах"¹, или в другом каком-нибудь месте. Но так как воеводам наказано было по прибытии на Тавду "промышлять" над пелымским князем, то они решились, - заключает П.Н.Буцинский, - остановиться около устья реки Пелымки и здесь заложить русский город, который назвали Пелымом по названию этой реки. Крепость была основана в 1593 г. Воеводам предписывалось "укрепляясь, - промышлять, чтобы приманить пелымского князя Аблегирима да сына его большого Тагая, да племянников его, да внучат и лучших людей его пять-шесть, которые самые пушие, от которых смута была... казнить... меньшего сына с женою и детьми (Н.Траханиотову - А.С.) везть с собой в Тобольский город, а черных людей всех обласкать и обнадежить, чтобы жили по своим юртам, платили ясак и приходили в город, ничего не опасаясь".

ГТ.Н.Буцинский указывает, что еще в 1595 году город не был достроен. Тогда пелымский воевода сообщал в Москву, что башни в остроге уже все развалились, ров от Пелымки—реки засыпался и ему достраивать город нечем, а в 1617 году воевода доносил, что крепостное "строение" в Пелыме почти совсем сгнило и отчасти обвалилось. В 1621 году случился пожар, и Пелым сгорел; только к 1623 году город был отстроен. П.Н.Буцинский устанавливает, что город состоял из острога и посада: в первом находились храм во имя Рождества Христова. двор воеводский, житница государева, таможенная и съезжая избы, несколько лавок, 9 дворов ружников и 3 двора детей боярских; а на посаде - 37 стрелецких дворов и 4 двора пашенных крестьян. Что касается первоначального населения "Пелымского города", то, по данным П.Н.Буцинского, оно состояло из 10 детей боярских, 50 конных казаков, 100 пеших, набранных в разных поморских городах, 40 семейств крестьян, 41 семейства ссыльных, включая ссыльных угличан. Население Пелыма на первых порах было значительным и разнообразным. В оценке П.Н.Буцинского желание правительства перевести служилых и ссыльных в хлебопашцы оказалось невыполнимым. Земля под городом оказалась малопродуктивной. По словам П.Н.Буцинского, "уже в 1596 году ссыльные каргопольцы - 7 человек - били челом государю, что они, обрабатывая государеву пашню, одолжали великими долгами, помирают голодной смертью с женами и детьми"¹, а в 1600 году жаловались государю на свое тяжелое положение все пашенные люди города Пелыма. Перед правительством встал вопрос о целесообразности держать в Пелыме такое количество крестьян и морить их там голодом, и что они могут принести большую пользу в местах более плодородных. По сведениям П.Н.Буцинского, часть крестьян была переселена в новый город Туринск, а в Пелыме к 1625 их осталось только восемь. Точно так же и количество служилых людей в Пелыме значительно уменьшилось. П.Н.Буцинский отмечает, что в 1625 году в

Пельше проживало 106 человек. В конце же царствования Михаила Федоровича русское население мужского пола (по крестоприводной книге) составляло 126 человек.

Интересные данные П.Н.Будинский приводит относительно денежных доходов Пелыма. Размер их был ничтожен, и поэтому для покрытия денежных расходов ежегодно присылали средства из Тобольска. В 1628 году денежные доходы Пелыма составили 137 рублей 28 копеек, а расход достиг почти 500 рублей, в следующем году денежных доходов собрано 45 рублей 90 копеек, а израсходовано 526 рублей 25 копеек. Вообще среднегодовой дефицит простирался до 350 рублей,

П.Н.Будинский отмечает, что правительство никогда не могло покрыть местными средствами ни хлебных, ни денежных расходов. Исследуя сметные пелымские книги, П.Н.Будинский указывает на дефицит хлебных запасов и денежных доходов. Поэтому ежегодно в Пелым присылали хлеб то из Тобольска, то из Верхотурья. Крестьяне не могли прокормить себя и были в постоянном долгу. По сведениям П.Н.Будинского, в 1645 году в Пелыме проживало 126 человек, а в Березовс - 260 человек. Причину слабого заселения Пелыма исследователь видел в малопродуктивной почве.

Таким образом, в исследовании П.Н.Будинского приведен важный и любопытный материал относительно процесса возникновения Пелыма и первых лет существования.

В.В.Митрофанов

С.Ф.Платонов как исследователь Строгановской летописи

Одним из крупнейших памятников сибирского летописания является Строгановская летопись, введенная в

В.О.Ключевского, не могут считаться создателями Летописной книги.

По наблюдениям С.Ф.Платонова, имя автора этого памятника пока не может быть названо. Он призвал своих современников и последователей продолжать поиски талантливого публициста.

Однако, с точки зрения историка, сходство Повести о Смуте и Строгановской летописи дает ключ к уставлению авторства, поскольку это сходство таково, что позволяет говорить не о заимствовании, а единстве стилистической манеры. Иначе говоря, к созданию Строгановской летописи было причастно лицо, которое оставило Летописную книгу, или, по крайней мере, участвовало в ее написании.

Следовательно, С.Ф.Платонов высказал немаловажное наблюдение по вопросу авторства Строгановской летописи, наблюдение, которое послужило исходным для последующих исследований. Кроме того, одновременно с С.Ф.Платоновым А.С.Орлов (видный литературовед, будущий академик) установил, что Летописная книга о Смуте испытала явное влияние русского перевода "Троянской истории" Гвидо де Колумна.

П.О.Серова, в статье, опубликованной в 1988 году, обнаружила, что зависимость от перевода "Троянской истории" ощущается и в Строгановской и в Есиповской летописях. Очевидно, следовательно, от этого переводного памятника зависит прототип этих знаменитых летописей.

Ученица С.Ф.Платонова А.М.Ставрович в статье "Новые мысли по поводу "Старых сомнений" (1922г.) пришла к заключению, будто создателем и Строгановской летописи и Повести о Смуте был С.Кубасов. С.В.Бахрушин с этой точкой зрения не согласился, поскольку деятельность Кубасова приходится на вторую половину XVII в., а летописная книга и, очевидно, Строгановская летопись более раннего времени.

В 1975 году М.В.Кукушкина опубликовала статью, в которой доказывает, что создателем летописной книги может считаться князь С.И.Шаховской.

Последующие историки и литературоведы или разделяют это суждение, или ставят его под сомнение, полагая, что вопрос об авторстве Повести о Смуте остается еще открытым,

Стало быть, и атрибуция Строгановской летописи является еще загадкой, почему призыв С.Ф.Платонова "продолжить изучение" данной темы сохраняет актуальность.

А.А. Шевцов

С.В. Бахрушин об итогах и задачах исторического изучения народов севера Сибири

В докладе "Историческое изучение народов Севера", прочитанном на научной конференции в Ленинградском университете в декабре 1947 г., С.В. Бахрушин определил этапы исследования судеб сибирских этносов вплоть до современности.

Первые попытки изучения древнейшего населения Сибири С.В. Бахрушин приурочил к рубежу XVII - XVIII вв.: тогда на чертежах карты Тобольского уезда С.У. Ремезов отметил несколько городищ, а в "Описании о народе остяцком" (1715 г.) Григорий Новицкий изложил теорию этногенеза хантов.

Начало же научного изучения истории народов Севера С.В. Бахрушин связал с академической Камчатской экспедицией 1730-1740-х гг., в ходе которой Г.-Ф. Миллер и С.П. Крашенинников исследовали естественно-исторические ресурсы Зауралья, местное население и его быт. С.В. Бахрушин считал, что эти ученые, рассматривая прошлое народов Сибири как историю включения их путем завоевания в состав России, изобразили борьбу коренного населения за независимость,

поставили отдельные вопросы истории малых народов Сибири, в частности, попытались разобраться в этногенезе хантов (опровергнув теории о связи сибирских финно-угров с западными финнами и происхождения самоедов от скифов). По наблюдениям С.В. Бахрушина, историки XVIII века выяснили топографию и описали хантыйские и мансийские городки к моменту появления там русских.

В конце XVIII в. - констатирует ученый, - историю народов Севера изучали и в связи с вопросом о загадочной Биармии исландских саг, которую искали в северных областях России и в Прикамье.

А.Н. Радищев в "Сокращенном повествовании о приобретении Сибири" попытался представить другую концепцию истории Сибири, на первом месте поставив коренных жителей края. Оригинальные исторические взгляды А.Н. Радищева противопоставлялись С.В. Бахрушиным рассуждениям Г.-Ф. Миллера.

Во второй половине XIX в., с точки зрения С.В. Бахрушина, злободневной становится тема хозяйственного освоения сибирского Севера и его колонизации. Так, П.Н. Буцинский привлек свежие материалы по истории северных народов в XVII в., разобрал взаимоотношения русского населения и инородцев (в монографии "Заселение Сибири и быт первых ее насельников").

П.М. Ядринцев в 1891 г. в книге "Сибирские инородцы" попытался объяснить вымирание народов Севера экономическими условиями, в которые они были поставлены, а также, по мнению С.В. Бахрушина, доказал, что еще до прихода русских "инородческие племена начали самостоятельную культуру, обнаружили способности к искусству".

Как показал С.В. Бахрушин, расширилась источниковая база изучения: привлекался новый материал для восстановления отдельных сторон быта народов Севера, использовался

фольклор и данные языка. Примечательно обращение историков к архивным материалам.

После революции 1917 г., - находил С.В. Бахрушин. - произошла систематизация и переработка на марксистских началах материалов, накопленных до революции, оживилась работа по поиску новых источников, отражающих историю народов Севера.

Определяя "задачи исторического изучения Сибири" (таково название одной из последних статей ученого), первоочередной из них С.В. Бахрушин считал специальную разработку истории сибирских народов. По его словам, "при значительной роли местного элемента" в истории русской Сибири научное изучение судеб сибирских народностей является наиболее важным не только с точки зрения интересов этих народов, но всей Сибири в целом.

Второе по значимости место С.В. Бахрушин отводил изучению внутренних процессов колонизации северных окраин Сибири.

Задачей исследователей С.В. Бахрушин считал и выяснение влияния революционных лет (1917-1920 гг.) на местное население Сибири.

Часть П.

Культура, природа, общество.

Хуршудов А.Г.

Трудные пути развития коренных народов Севера.

Проблема вовлечения в процесс цивилизованного развития немногочисленных северных этносов весьма актуальна не только в России, но и в других странах мира. Северные индейцы и эскимосы в Америке, гренландцы в Дании, лапландцы и саами в Финляндии и Швеции испытывают почти те же трудности в повседневной жизни, как ханты, чукчи и ненцы в России. Во всех этих странах правительства и муниципальные власти не на шутку озабочены судьбой северных народов, тратят на эти цели немало усилий и денег, но результаты подобных забот поразительно схожи, поскольку мало от нуля отличаются.

В разных уголках земного шара сохранились небольшие племена и народности, приспособившиеся к наиболее суровым условиям жизни, будь то в джунглях, тундре или высокогорных долинах. Их история неспешно тянулась на закате первобытно-общинного строя до тех пор, пока не добралась к ним цивилизация. Оставим в стороне горький период безжалостного вытеснения и уничтожения аборигенов, слава Богу, он уже закончился. Сейчас наиболее грозной проблемой малых народов метрополий является низкий уровень жизни, неразрывно связанный с отсталым способом производства.

Лучшие, наиболее талантливые представители коренного населения из всех сил стремятся покинуть родные места, перебраться в город или промышленные регионы. Да и много ли рабочих мест в хантыйском поселке для врачей, музыкантов или программистов? Полученный диплом высшего образования в 90% случаев вынуждает искать новое место жительства. Кто же остается в родном селе? Небольшая часть энтузиастов-оленьеводов, прирожденных охотников, а остальные - старики,

больные, малограмотные да пьяницы. Такого «естественного отбора» никакому народу не выдержать.

Итак, проблема в общих чертах сформулирована, теперь попробуем поразмыслить, как ее решать. Обычным логическим способом: уточним цель, проанализируем нынешние средства и, поскольку они нас не очень устраивают, поищем новые.

Формулировка цели. Согласно общепринятому мнению сохранение малых этносов необходимо, в первую очередь, для того, чтобы не утратить навечно самобытные черты этих народов: язык, культуру промысловые навыки и, наконец, физиологические и психологические особенности. Организм, например, ненца за тысячи лет медленной эволюции наилучшим образом приспособился к жизни в тундре, привык к местным витаминам, полярной ночи. Л нам. недавним мигрантам, адаптация на Севере дается с большим трудом, так что есть чему поучиться у коренных северян.

К сожалению, характерные черты этноса можно сохранить только при компактном проживании людей, связанных как общими традициями, так и общим способом производства. Поэтому основной лозунг сегодня звучит так: сохранить традиционный уклад жизни народов Севера. В качестве ближней задачи он неплох, но на перспективу, вероятно, ошибочен.

Действительно, за последние 30 лет победного шествия нефтяной промышленности по Ханты-Мансийскому округу ханты и манси были вытеснены из наиболее богатых угодьев по берегам Оби, существенный урон был нанесен оленеводству и охотничьему промыслу. Будучи не в состоянии включиться в промышленное производства, коренное население попросту осталось без достаточных средств к существованию. Поэтому создание нормальных условий для традиционных видов хозяйствования является совершенно необходимой первоочередной задачей.

Однако, вряд ли мы хотим, чтобы какой-либо народ навечно остался в условиях натуральной хозяйства с его неизбежно низкой производительностью труда. Для поддержания такого народа потребуются огромные дотации, но и они не спасут от морального разложения. В разных странах сейчас пытаются сохранить обособленные поселения индейцев, эскимосов, африканских племен в их текущем первобытном состоянии, этикие «человеческие зоопарки», но единственным результатом являются доходы от богатых туристов.

Нации и народы либо развиваются в конкурентной борьбе, либо растворяются в более сильных этносах и прекращают свое существование. Следовательно, на дальнюю перспективу наша цель должна формулироваться так: обеспечить ускоренное развитие коренных народов Севера, быстрое приобщение их к современному производству при условии компактного проживания, которое благоприятствует соответствующему развитию языка, культуры и других этнических признаков.

Отметим, что культурные ценности народа также будут развиваться и видоизменяться со временем. Некоторые давние обычаи и искусства постепенно выйдут из употребления. Если они будут утеряны безвозвратно, то это, безусловно, потеря для всего человечества. Однако, ничто не метает сохранить о них информацию на бумаге, видеопленке или лазерных дисках. Изучению современной культуры северных народов (так же как и физиологии и др. признаков) сейчас уделяется пренебрежительно мало внимания, Между тем, оно является второй весьма важной задачей, тем более, что угроза исчезновения малых этносов еще окончательно не миновала.

Существующее положение. Поддержка коренного населения в Ханты-Мансийском автономном округе сейчас осуществляется главным образом в двух направлениях:

прямая материальная помощь в виде различных дотаций и компенсаций.

охрана среды обитания и объектов традиционных промыслов.

Самым распространенным средством поддержки является предоставление родовых угодий, пожизненного и наследуемого права заниматься охотой, рыболовством, сбором ягод, грибов и орехов на выделенной территории. Принятые в последнем десятилетии законодательные и административные акты ХМАО защищают права владельцев родовых угодий, обязывают компенсировать нанесенный им ущерб; в ряде случаев эти компенсации становятся источником дополнительного, и немалого, дохода.

Территории, выделенные под родовые угодья, огромны. Только в Нижневартовском районе они занимают около 50 тыс. кв. км. Частично это оправдано низкой биологической продуктивностью северной тайги. Но реально на огромных труднодоступных пространствах главной проблемой ханты стала реализация произведенной продукции (рыбы и дикоросов), ибо рынки сбыта находятся лишь в крупных городах, расположенных за сотни километров, к тому же неискушенные в торговле ханты часто становятся жертвой обмана перекупщиков.

Само понятие родового угодья находится не в ладах с конституцией России, ибо утверждает определенное неравенство по национальному признаку. Совершенно непонятно, почему не имеют прав на родовые угодья, например, русские, потомки ранних мигрантов (сибирских казаков и ссыльных) в поселках Покур, Былино или Болынетархово. Их образ и уровень жизни почти не отличается от хантыйского, а культура достаточно самобытна. При желании многие из нас могли бы вспомнить, чем занимались их деды и прадеды в начале века и затребовать себе кое-какие пожизненные и наследуемые права, но в Конституции об этом ничего не сказано, И не должно быть: мир развивается на основе права

собственности, а «пожизненные» цари и холопы остались только в доживающих свой век деспотиях.

Весьма негативным следствием выделения родовых угодий является индивидуализация хозяйства. Болезнь или увечье основного кормильца оставляет без средств всю семью. ибо передача прав в родовом угодье практически невозможна. Точно так же обездоливают семью засушливый год, когда резко сокращается урожай ягод и вылов рыбы. Наконец, индивидуальное промысловое хозяйство создает трудности для обучения детей: в период промысла они либо остаются в интернате без родителей, либо - в тайге с родителями без школы.

Более удобной формой являются общинные угодья и территории приоритетного природопользования. Здесь нет жесткого закрепления семей за определенными участками. соответственно, меньше территориальных споров. Общинные рыболовецкие угодья, как правило, расположены неподалеку от национальных поселков, что облегчает сбыт продукции. Впрочем, они и не являются единственным средством существования, зачастую часть членов общины работает в промышленности или бюджетных учреждениях, а добыча с угодьев служит им ощутимым подспорьем.

Администрация Нижневартовского района в последние годы усиленно старается организовывать и поддерживать в хантыйских селах небольшие промышленные предприятия: цеха по переработке дикоросов, зверофермы. Этот путь является наиболее перспективным, хотя фактически все эти предприятия пока убыточны. Основными причинами этого являются сезонный характер работы, низкая квалификация персонала. особенно старшего звена, пьянство, а также отсутствие опыта предпринимательской деятельности.

Таким образом, на пути северных народов к современному промышленному производству образовался замкнутый круг: чтобы добиться материального благосостояния нужно сначала

повысить культурно-образовательный уровень, а для этого требуется немало лет и, опять же, денег. Теперь посмотрим, какими мы располагаем возможностями, чтобы этот круг разорвать.

Как создать новое. Поиск новых форм развития северных народов ни в коем случае не должен начинаться с разрушения существующих. Сразу реформировать нынешнюю систему дотаций и льгот невозможно, нужно сначала изучить ее недостатки и осторожно опробовать изменения. Примером такого эксперимента является попытка создания природно-этнического парка «Нумто», в котором хантыйская община пытается решить свои проблемы собственными силами.

Мировая практика такова, что жители развивающихся стран в жестокой конкурентной борьбе сначала добиваются успехов в производстве и лишь потом получают возможность повысить образовательный и культурный уровень. Для малых северных народов такой ход событий опасен, ибо конкуренции с работниками мощной добывающей индустрии им не выдержать. Нужно создать им специальные условия, позволяющие учиться «без отрыва от производства», не испытывая при этом особых лишений.

Мысленно перенесемся вперед на 20-30 лет и попытаемся представить себе результат, которого хотелось бы добиться.

Вот стоит на берегу реки национальный поселок. Аккуратные домики с небольшими приусадебными участками. Огороды и теплицы, которые служат скорее для отдыха, чем для пропитания. В полном наборе объекты социальной инфраструктуры: школа, поликлиника, клуб и другие. Надежное сообщение с районным центром по автодороге, телефонная связь по спутниковым линиям.

Чуть в стороне расположена промышленная зона - небольшие предприятия, перерабатывающие торф и древесину в композитные стройматериалы. Рядом рыбовоспроизводственное хозяйство, оно пополняет стада

осетра и сига в наших реках, попутно в садках и прудах ежегодно выращивает 300-400 тонн осетрины. Часть жителей поселка работает на соседнем нефтепромысле, это инженеры, водители, обходчики.

Чего будет не хватать человеку в таком поселке? Разве что южного солнца, так северяне к этому привычны. Но чтобы такая перспектива стала реальностью, придется затратить огромное количество умения, сил и средств.

В первую очередь потребуются деньги. Ситуация на мировом рынке сырья обнадеживает, можно ожидать, что налоговые отчисления нефтяных компаний будут сохраняться на высоком уровне. Очень важно следить, чтобы финансовая помощь коренному населению способствовала положительным социальным изменениям. Вместо прямых дотаций по национальному признаку стоит перейти к доплатам за производственную продукцию, стимулируя производство. Целесообразно установить высокие стипендии для учащихся вузов, специальные доплаты квалифицированным специалистам за работу в поселках.

Чтобы поднять в селах уровень образования, медицинского и бытового обслуживания, нужны квалифицированные кадры, подвижники. Далеко не каждый опытный педагог согласится поработать лет пять в отдаленном поселке, нужно искать энтузиастов, но и платить им соответственно.

Переход к современному промышленному производству должен произойти без какого-либо принуждения. Каждый житель села должен иметь возможность заниматься традиционными промыслами (система родовых и общинных угодий будет еще долго сохраняться), отход от них произойдет постепенно и потребует длительного времени.

Наконец, потребуется четкая координация действий администраций, предприятий и общественных организаций. Ибо средства для поддержки коренного населения сегодня имеются в

окружной и районных администрациях, фонде поколений, их выделяют нефтяные и другие предприятия. В отсутствие координирующего центра деньги зачастую распыляются без серьезных результатов. Опыт текущей работы показывает, что такие координирующие центры лучше всех попечителей и специалистов-социологов.

Некоторые выводы.

1. Ханты-Мансийский автономный округ располагает сейчас достаточным промышленным и финансовым потенциалом, чтобы обеспечить постепенное развитие малых северных народов и приобщение их к современному промышленному производству.
2. Этот процесс является длительным и должен начинаться с повышения культурно-образовательного уровня, квалификации национальных кадров.
3. Необходимо сохранять для коренного населения возможность заниматься традиционными промыслами; постепенный отход от них должен произойти осознанно и добровольно.
4. Целесообразно объединить разрозненные усилия администраций и добывающих предприятий под началом единого координационного центра, что позволит повысить эффективность финансовой помощи и будет способствовать достижению конечного результата.

Цысь В.В.

К проблеме сохранения и укрепления национальных культурных традиций этнических меньшинств, проживающих в г. Нижневартовске.

Проблемы, связанные с возрождением культурных национальных традиций в настоящее время привлекают самое

пристальное внимание не только представителей национальной интеллигенции, но и городских и окружных властей, деловых, предпринимательских кругов. Созданы и функционируют различные общественные организации, которые стараются сделать все возможное для того, чтобы люди, оказавшиеся в иноэтническом окружении не забыли свой родной язык, религию, обычаи и обряды своего народа. Однако возникает вопрос, насколько эта деятельность эффективна, и как сами горожане оценивают пути и перспективы возрождения традиционной культуры. Отчасти помочь ответить на него позволяет обследование, проведенное студентами 2 курса исторического факультета НГПИ весной 2000 г.

Наиболее полно представлена информация по этносам, которые можно условно объединить в три группы: 1. Тюркоязычные народы Поволжья (татары и башкиры). 2. Восточные славяне (украинцы, белорусы). 3. Народы Дагестана (в основном лакцы и кумыки). Всего было опрошено около 150 респондентов, представляющих данные этносы. При ответе на некоторые вопросы можно было выбрать несколько вариантов. Поэтому в таких случаях общая сумма иногда превышает 100%.

На вопрос «считаете ли вы, что здесь на Севере необходимо сохранять и укреплять культуру вашего народа» дало утвердительный ответ 70,1% опрошенных татар и башкир, 61% украинцев и белорусов, 60% дагестанцев. Отрицательный ответ получен от 2,6% татар и башкир, 15% украинцев и белорусов, 17% дагестанцев. Остальные затруднились ответить.

При ответе на вопрос о том, через какие элементы национальной культуры было бы успешнее всего сохранить и укрепить культуру вашего народа на Севере, религию назвали 33,8% татар и башкир, 9% украинцев и белорусов, 42% дагестанцев; национальные обычаи и традиции - соответственно 67,6%, 78%, 60%; национальную литературу и искусство - 45,5%, 33%, 36%.

Тема содействия местных органов власти в сохранении и укреплении национальной культуры была освещена следующим образом:

7,8% татар и башкир, 21% украинцев и белорусов, 30%

дагестанцев вообще отрицают необходимость такой помощи; соответственно 33,8%, 39%, 15% считают, что она должна выражаться в выделении материальных средств; 39%, 21%, 35% - в создании необходимой правовой базы; 36,4%, 33%, 24% - затруднились ответить на данный вопрос.

Далее опрашиваемым предлагалось оценить деятельность представителей каждого из народов по укреплению национальной культуры на Севере. 13% татар и башкир, 6% украинцев и белорусов, 9% дагестанцев заявили, что делается все необходимое. Остальные ответы распределились так: «делается многое, но далеко не все» - соответственно 32,5%, 9%, 0%; «делается очень мало» - 22,1%, 39%, 26%; «ничего не делается» - 6,5%, 21%, 50%. Остальные респонденты затруднились ответить.

Формы работы, с помощью которых можно было бы на Севере сохранять и укреплять национальную культуру, были выбраны следующие: 45,5% татар и башкир, 39% украинцев и белорусов, 24% дагестанцев назвали детские учреждения с обучением и воспитанием на родном языке; соответственно 39%, 30%, 27% - национальные газеты, теле- и радиопередачи; 46,8%, 57%, 75% - национальные объединения, организации. Кроме того, назывались такие формы работы как внешкольные занятия с детьми, посещение мечети и др.

За необходимость существования на Севере национальных классов, школ, детских садов высказалась примерно половина опрошенных каждой из групп. Против -18,2% татар и башкир, 33% украинцев и белорусов, 15% дагестанцев. Остальные респонденты затруднились ответить.

Также примерно половина опрошенных считает, что преподавание основных предметов в такой школе, классе должно вестись все же на русском. Лишь незначительное количество респондентов (по 5-6% в каждой из групп) отстаивает необходимость преподавания исключительно на национальном языке. Остальные на данный вопрос затруднились ответить.

Подавляющее большинство опрошенных (80-90%) считает, что обучение в национальной школе, классе должно быть только

добровольным.

Затем следовали вопросы о деятельности национальных организаций на Севере. 72,8% татар и башкир, 75% украинцев и белорусов, 80% дагестанцев считают, что национальная организация должна заниматься проведением фестивалей, концертов, выставок и т.п.; соответственно 14,6%, 0%, 9% участием в выборах в местные органы и власти и другими формами политической борьбы; 32,5%, 21%, 47% - изданием газет и журналов; 33,8%, 30%, 30% - сбором средств и оказанием материальной помощи нуждающимся.

На вопрос о том, имеется ли подобная организация в Нижневартовске или других городах района утвердительный ответ дали 45,5% татар и башкир, 21% украинцев и белорусов, 12% дагестанцев. Остальные - затруднились ответить.

Около 10% татар и башкир заявили, что иногда участвуют в работе своих национальных организаций. Опрошенные украинцы и белорусы, дагестанцы не принимают никакого участия в деятельности аналогичных организаций.

Татары и башкиры оценили работу своих национальных организаций следующим образом: «отлично» - 1,3%, «хорошо» - 18,2%, «удовлетворительно» - 5,2%, «плохо» - 2,6%, затруднились ответить - 72,7%. Абсолютное большинство украинцев, белорусов, дагестанцев затруднились ответить на данный вопрос.

В целом по результатам опроса можно констатировать, что представители указанных этносов отдают предпочтение, в общем-то, сходным путям и формам работы по сохранению и укреплению национальной культуры на Севере. Большинство из них выступает против участия национальных организаций в политике.

Вполне естественно, что украинцы и белорусы не воспринимают свою религию как специфический элемент национальной культуры, т.к. они, как и русские, исповедуют православие.

Можно отметить более скептическое отношение дагестанцев к необходимости возрождения своей культуры на Севере. Они также менее других рассчитывают на государственную поддержку в данном вопросе.

Критически оценивается деятельность культурных национальных организаций украинцами, белорусами и дагестанцами. Даже татары и башкиры в большинстве имеют весьма слабое представление о своих национальных организациях. Очень мало респондентов принимают сколько-нибудь заметное участие в их работе.

Таким образом, несмотря на существование у представителей указанных национальных диаспор объективной потребности в сохранении и укреплении родной культуры на Севере, лишь немногие реально интересуются данными проблемами. Также совершенно очевидна необходимость активизации работы культурных национальных организаций.

Л.Р. Закуанова

К истории изучения шаманизма в Сибири.

Первые сведения о **финно-угорах** Западной Сибири появились в XVII веке. Термин "шаман" проник в международную научную лексику из письменных сообщений русских казаков служивших в Сибири. Они заимствовали это слово в XVII веке у тунгусов, где оно звучало "саман" что значит " **иступленный**", "восторженный". У тюрков такой человек назывался "кам", поэтому шаманское действо получило название камлания.

Основным источником знаний о ханты и манси, как в Европе так и в России, были книги путешественников по Сибири немцев Г.Ф.Миллера, затем И.Э. Фишера, описавших быт этих народов. Интерес к шаманству проявили участники Академической экспедиции 1769-1774 годов И.Г.Георги, Н.Я. **Озерцовский**, В.Ф. Зуев. Охарактеризовав ритуал, атрибуты, одежду, они попытались определить функции шамана и его положение в обществе, но видели его назначение и роль лишь в сфере бытовой магии.

Крупные открытия в области верований угров были сделаны финскими исследователями такими как И.Тикканен, А.Алквист, Ф.Р.Мартин. Помимо подробного описания таманского костюма с разъяснениями назначения всех его частей, деталей. М.А.Дастрен впервые описывает общеродовой обряд жертвоприношения, рассказывает об изготовлении атрибутов родственниками шамана. Он ставит вопрос о социальной структуре шамана в роду, о его положении жреца.

Отношение соплеменников к колдуну пытался выяснить К.Ф.Карьялайнен. На основе сравнительного анализа камланий у разных народов Севера и наблюдений за деятельностью шамана он делает вывод о том, что это не религия жрецов и князей, а мировоззрение народа.

Русскими исследователями активное изучение обычаев, уклада, верований народов Сибири началось в XIX веке. Уже В.М.Новицкий, отмечал, что познавать жизнь местного населения следует как комплекс явлений. На следующем этапе изучения верований народов Севера поднимался вопрос об институте шаманства в связи с социальной организацией общества и с установлением в данном обществе норм поведения. Ранняя классификация типов камланий была разработана А.А.Дуниным-Горкавичем, собиравшем сведения для доклада Императорскому Русскому Географическому Обществу. Он выделяет общеродовые обряды, связанные с сезонными работами, во время которых совершались кровавые жертвоприношения, промысловые обряды и проводившиеся при рождении ребенка.

Е.С.Новик указывала на религиозную сущность шаманизма, который возник на основе мифологических воззрений. Она отметила, что как мифологический, так и шаманский ритуал служил средством регулирования поведения людей. И.С.Вдовин считает роль религии и шаманизма различными и противопоставляет собственно колдовские действия.

Проект «Культурный ландшафт».

Проект «Культурный ландшафт» осуществляется ГОО «Культпроект. НижнеАртовск» на средства гранта Института «Открытое Общество». Проект направлен на сбор, обработку, виртуальное воплощение компьютерными средствами и презентацию идей и творческих инициатив по улучшению городской среды Нижневартовска.

На предварительном этапе работы над проектом был предпринят анализ истории формирования и современного состояния городской среды.

Идея города была одной из доминант культуры ваховских ханты (ват-ях - «городской народ») задолго до возникновения города Нижневартовска.

Открытие нефти нарушило планы гидростроителей по затоплению Западно-Сибирской низменности. С конца 1960-х г. начинается промышленное покорение Самотлорского месторождения и стихийный рост города. Строительство города не входило в планы государственно-партийного аппарата, равно как и руководителей нефтяной промышленности. Но миграцию было уже не остановить. Пришлось возглавить и организовать народное заселение заливных лугов у излучины Оби.

Прагматизм нижевартовцев 70-80-х гг., припорошенный образами советской мифологии, позволил совершиться чуду - воплощению Великой советской мечты о городе с высотными домами и изолированными квартирами. Такого уровня бытового комфорта смогли достигнуть не многие города СССР и России.

В 90-гг. продолжается рост комфорта городской среды, Советская мифология, разбавленная рекламными плакатами, продолжает по инерции формировать образ знаковой среды города. Замены ей во «внешней» культурной среде города,

топонимике, системе памятников и памятных досок не находится. Одной из основных проблем городской среды остается «отсутствие характерных архитектурных и ландшафтных образов и акцентов».

В ходе работы над проектом была проведена попытка новой интерпретации исторически-сдожившегося городского ландшафта. Были выявлены некоторые из тем, определяющих природную, культурно-историческую и техногенную уникальность Нижневартовска. Эти темы могли бы служить основанием для законной гордости за свой город. Для выявления той или иной темы подчас достаточно ее вербализации и привязки к конкретной городской среде с помощью малобюджетных объектов. Наиболее интересные из них вошли в мультимедийный каталог «Культурный ландшафт», изданный на компакт-диске.

Если кого-нибудь заинтересует реальное строительство предложенных объектов, с удовольствием предоставим дополнительные материалы, информацию по авторскому праву и смете. С большим интересом услышим отзывы и новые предложения для виртуального воплощения.

М.В. Левнер

Internet-проект Библиотеки Конгресса США «Встреча на границах».

Цель проекта *Встреча на границах* создание объединенной Российско-Американской электронной библиотеки, доступной любому пользователю Интернета. Эта библиотека посвящена теме изучения Сибири, Дальнего Востока и Аляски и параллельного освоения Западной части Американского континента, в особенности Аляски. Проект рассчитан на каждого интересующегося человека, в том числе и на детей школьного возраста. Определенные части проекта (например, библиография) могут быть также интересны

исследователям и профессиональным ученым. Русский и английский языки используются в проекте по мере возможности равноправно.

Решение о финансировании Проекта принял Конгресс США, и оно включено в бюджет Библиотеки Конгресса с 1999 финансового года. Дополнительные средства и частные дарения с российской стороны будут всячески приветствоваться.

Новый сайт Интернета создается совместными усилиями российских и американских ученых и сотрудниками библиотек обеих стран. Создан Российско-Американский совет Проекта для того, чтобы точнее определить содержание работы исследователей.

Содержание работы. Проект начался с описания начального общего опыта России и Соединенных Штатов в освоении огромных территорий Сибири, Дальнего Востока и американского Запада. Это встречное движение неминуемо привело обе державы к встрече на границах Аляски и американского Северо-Запада. Библиотека Конгресса определила перечень своих уникальных коллекций фотографий, рукописей, карт, звукозаписей и фильмов, связанных с Россией, Аляской и американским Западом, и начала переводить их на электронные носители для того, чтобы представить эти коллекции в сети Интернет. Библиотека Конгресса работает с российскими библиотеками и другими организациями, чтобы выявить коллекции русского происхождения, имеющие отношение к Сибири и Русской Аляске, и получить цифровые версии этих коллекций для помещения на сайт. В результате создается виртуальная библиотека, доступная в обеих странах и по всему миру.

Благодаря хронологическому размещению материала и кратким введениям справочного характера ко всем документам, *Встреча на границах* может служить незаменимым обзором

постепенного открытия и освоения американских и российских пограничных районов, а представленные на сайте коллекции документов иллюстрируют в деталях особые темы, связанные со *Встречей на границах*. Среди этих тем:

- **открытие и освоение новых земель**
- движение через горные хребты (Уральские горы в России, Скалистые горы в Америке)
- миграция и заселение новых земель
- создание карт великих рек
- роль религии и церкви
- строительство железных дорог
- отношения с коренным населением
- окружающая среда и природные особенности

Пробный сайт. Библиотека Конгресса открыла сайт *Встреча на границах* в ноябре 1999 г. (<http://frontiers.loc.gov>). Он был показан спонсорам Проекта в Конгрессе США и всем будущим участникам Проекта в России и США. Сайт уже включает несколько сотен объектов из американских библиотек и постоянно пополняется информацией из российских и американских источников. Информация на сайте представлена на русском и на английском языках и рассказывает в логической последовательности о событиях трех последних веков, что может стать важным пособием по курсам истории и краеведения в российских и американских школах.

Как российские библиотеки и архивы могут участвовать в Проекте *Встреча на границах*.** Каждая библиотека и каждый архив ответственны за материалы из их

коллекций, которые будут представлены в Проекте *Встреча на границах*, что включает:

1. Временное предоставление Библиотеке Конгресса физических копий объектов, составляющих коллекцию, которая должна быть включена в Проект, для перевода их на электронные носители и последующего помещения на домашнюю страницу Проекта. В тех случаях, когда библиотеки-участники сами могут организовать сканирование коллекции и отдельных ее элементов, электронная копия, удовлетворяющая определенным техническим стандартам и спецификации, может заменить физическую.
2. Снабжение всех представленных для помещения на сайт объектов необходимым сопроводительным материалом. устанавливающим дату объекта, сообщаящим о важнейших публикациях на эту тему, и т.д. Предполагается, что российские библиотеки и архивы представят свои материалы с комментарием и кратким объяснением на русском языке. Американская сторона будет представлять свои материалы на английском языке, а краткую аннотацию по-русски.
3. Снабжение материала заголовками и библиографической информацией.
4. Снабжение рукописей и звукозаписей транскриптами.
5. Предоставление Библиотеке Конгресса письменного свидетельства, удостоверяющего, что материалы согласно российскому законодательству свободны от ограничений, касающихся авторского права, и что Библиотека Конгресса может сделать их доступными пользователям в Интернете.

Объекты, подпадающие под категории 2, 3. и 4 должны быть представлены в электронной форме.

В дополнение к вышесказанному мы ждем от каждой российской библиотеки и архива краткого описания их истории, состава коллекций, других примечательных проектов, в которых

они участвовали или участвуют. Эта информация будет помещена на сайт *Встреча на границах*, она может содержать ссылки на другие сайты и сведения о том, как пользоваться коллекциями этих библиотек или архивов.

Финансирование. Из бюджета *Встреча на границах* возможна компенсация русским партнерам за следующие работы:

- микрофильмирование или сканирование коллекций, причем цена съемки каждого объекта должна быть обсуждена заранее
- факсимиле или копирование коллекции, причем цена съемки каждого объекта должна быть обсуждена заранее
- покупку или обмен дубликатов, которые потребуются для Проекта
- покупки или прокат оборудования, на основе взаимовыгодных отношений, необходимых для более полного копирования или сканирования материала
- дополнительное время сотрудникам, работающим над Проектом, которые будут заняты писанием разного типа предисловий, переводами того или иного текста, решением вопросов авторского права, по ценам, которые предварительно должны быть обсуждены.
- возмещение затрат на транспортные расходы, связанные с выполнением Проекта

Часть III.

Педагогика: краеведение в образовательных учреждениях.

Шаланина В.Л.

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ЧЕРЕЗ КРАЕВЕДЕНИЕ.

«Воспитание гражданственности и экологической культуры на уроках географии через краеведение» - это методическая тема, в основу которой положен мой 30 летний опыт изучения краеведения. Понятие «краеведение» прочно входит в нашу жизнь. Оно, как народное знание о своих родных местах, зародилось в далеком прошлом. У всех народов мира, во все времена были люди досконально знавшие окружающую их местность, природу, прошлую и современную жизнь. Свои знания, умения они передавали из поколения в поколение.

В нашей стране велись летописи. В середине XVIII века начали опубликовывать первые описания некоторых областей России. В 1877 г. в связи с губернской реформой Сенатом был издан Указ о составлении топографических описаний всех губерний России. Они содержали сведения о природе, историческом прошлом и современной хозяйственной деятельности населения.

Важную роль в становлении краеведения в России сыграл М.В.Ломоносов. Он разослал по всем губерниям специальную анкету, содержащую вопросы о природных богатствах, истории и жизни населения и на ее основе составил первый географический атлас России.

Краеведение делится на научное и школьное.

Научное краеведение направлено на всестороннее изучение различных территорий нашей огромнейшей страны, Оно расширялось, углублялось и превратилось в науку о родном

крае. В годы советской власти научное краеведение то получало всеобщее признание и широкий размах, то замирало, затухало на годы, до следующего какого-либо события или юбилея.

Посредством научного краеведения организовывались музеи, научно-исследовательские институты, общества, клубы, кружки, велся поиск полезных ископаемых, изучалась и классифицировалась флора и фауна регионов, собирались сведения о природных ресурсах, изучались культура, быт, народное творчество, хозяйственная деятельность народов нашей многонациональной страны, уделялось внимание охране памятников истории, культуры, природы.

Школьное краеведение - важный фактор нравственного, трудового, экологического, эстетического, физического воспитания. Оно способствует патриотическому воспитанию, расширяет кругозор, развивает познавательный интерес, приобщает к творческой деятельности, формирует практические и интеллектуальные умения, навыки, помогает в выборе будущей профессии.

Важную роль в развитии школьного краеведения в стране сыграл К.Д. Ушинский, который теоретически обосновал «родиноведческий принцип» в обучении, показал большое воспитательное и образовательное значение изучения своего края.

В 1918 году в «Положении о единой трудовой школе РСФСР» указывалось на важность краеведения в учебно-воспитательной работе. В советской школе воспитание патриотизма начиналось с углубленного познания своей Родины. Школьное краеведение являлось важнейшим средством всестороннего развития личности, связи обучения с жизнью.

Признание краеведения в школе получило свое выражение в школьных программах, в учебниках. В постановлении правительства от 25 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» было указано на необходимость «в учебные программы по обществоведению,

литературе, языкам, географии и истории... ввести элементы краеведения...».

Объектами изучения для краеведения являются природа, население и его деятельность, историческое прошлое, искусство, культура.

Формы краеведческой работы очень разнообразны: кружки, факультативы, общества, клубы, туристические походы, встречи и вечера, конкурсы, олимпиады, организация краеведческих уголков и музеев.

25 лет назад краеведением в Нижневартовске занимался Дом пионеров. Краеведы собирали экспонаты для музеев, участвовали в слетах и олимпиадах, проводили сборы и творческие тематические встречи. В настоящее время Министерством образования в программы школьных курсов краеведение вводится как региональный компонент. В районе создано Общество изучения края, объединившее работников образования, культуры, средств массовой информации.

Это замечательно, что краеведение как наука снова возрождается. И чтобы воспитать гражданственность, патриотизм, привить экологическую культуру подрастающему поколению, необходимо дать «зеленую улицу» краеведению, помнить о его значимости в учебно-воспитательной работе.

М.ГТ.Пастарнак

Внеклассная работа. Школьные заповедники региона

Одна из интересных и новых форм внеклассной работы - организация школьных заповедников, Положительный опыт по

этому виду внеклассной работы накоплен в Омской области.

Школьными -заповедниками могут стать расположенные вблизи школы ботанико-гидрологические памятники природы или редких и охраняемых растений. Если территория будущего школьного заповедника не является охраняемой, руководство школы договаривается с местным лесничеством о выделении школе участка. Хозяйство обязуется не проводить на участке рубки леса, пастьбы скота, сенокошения. Школа охраняет участок, приводит в порядок, оформляется договор сторон.

Школьный заповедник служит базой для научной и практической природоохранительной работы. Учитель должен тщательно продумать программу и методику наблюдений, предварительно изучив относящуюся к теме литературу. Практическую помощь в составлении программы наблюдений учителям могут оказать специалисты-ботаники высших учебных заведений и научно-исследовательские учреждения региона.

Работу в школьном заповеднике логичнее начинать с изучения флоры - выявления видового состава растений. Следует на месте попытаться определить все цветущие виды. Сбор растений в гербарий следует ограничить до 1-2 экземпляров каждого вида, хранить их в школьном музее или кабинете биологии как эталоны. Работу по выявлению видового состава растений нужно проводить несколько раз в течение вегетационного периода, в связи с изменением их облика, из-за различий в сезонных ритмах развития. При возможности следует сделать фотографии растений и оформить альбом «Флора школьного заповедника». Результаты работы можно представить красочной диаграммой «Количественное распределение видов флоры школьного заповедника по семействам» и др. Необходимо сделать подробное геоботаническое описание заповедника.

Дальнейший, более сложный этап работы количественный учет каждого редкого или охраняемого вида. Проведение фенологических наблюдений дает представление о

сезонном ритме развития изучаемых видов. Необходимо изучить особенности плодоношения. Изучение семенной продуктивности растений позволит составить представление об их плодovitости и сделать вывод о степени обеспеченности семенного размножения вида в фитоценозе.

Представление о жизненности вида в биоценозе дает изучение возрастного состава популяции.

Все эти вопросы могут стать темами заданий для учащихся. Результаты наблюдения оформляются в виде отчетов, докладываются на ежегодных школьных конференциях, служат основой для написания рефератов и рекомендаций по охране вида. Результаты наблюдений подвергаются обработке, анализируются, сравниваются, обсуждаются, устанавливаются причинные связи. Дневники, отчеты, рефераты и приложения к ним в виде графиков, таблиц, диаграмм, фотографий могут и должны быть использованы в учебном процессе.

Общественно значимая практическая деятельность школьников по охране природы на основе школьного заповедника может быть весьма разнообразной;

благоустройство территории и уход за ландшафтом заповедника;

- озеленение и уход за окрестностями памятника природы;

- создание учебной тропы;

- охрана школьного заповедника дружиной зеленого и голубого патруля;

- проведение бесед с туристами, посещающими памятник природы, о бережном отношении к редким растениям;

- изготовление и установка искусственных гнездовий для птиц;

- забота о муравейниках;

- организация правильного сбора лекарственных растений на прилежащих территориях;

- при угрожающем состоянии популяции редкого или

охраняемого вида разработать научно-обоснованный план ее восстановления и осуществить его и т.д.

Работа учащихся в школьном заповеднике - практическая сторона природоохранительного просвещения. Непосредственное участие школьников в устройстве, охране и приумножении красоты родной природы имеет большое воспитательное значение, способствует развитию экологической культуры региона, укреплению знаний о природе.

Р.Р.Мухамедьярова

Эколого-педагогическая подготовка будущего специалиста в Нижневарттовском социально-гуманитарном колледже

«Культура мира вырастает из экологической культуры и решающую роль в формировании этой культуры предстоит сыграть образованию в целом и учителю в частности»

С.Н.Глазычев

Регионализация образования является ведущей и долговременной стратегией определяющей пути становления целостного регионального образовательного пространства на основе взаимодействия национально-регионального, федерального и мирового опыта развития образования, это наделение регионов правом выбора собственной образовательной стратегии, создания собственной программы развития образования в соответствии с региональными, социально-экономическими, географическими, культурно-демографическими и другими условиями (Месенжников В.В.).

Учитывая обострение экологической ситуации нефтегазодобывающего комплекса, суровые климатические условия Севера приоритетным в регионе должно стать такое

образование, которое готовит учащихся к решению стоящих перед обществом социальных, экономических и экологических проблем на местном, национальном и глобальном уровнях.

В экологическом образовании региона на сегодняшний день отсутствует:

- достаточная база по подготовке кадров для работы системы непрерывного экологического образования и воспитания;
- государственная поддержка экологического образования; системная подготовка государственных служащих высших эшелонов власти.

Экологическая подготовка студентов рассматривается как важнейшее звено непрерывного экологического образования. Цель - формирование экологической культуры - определяет специфику содержания эколого-педагогической подготовки студентов. Место экологического воспитания студентов в системе деятельного педагогического учебного заведения определяется той ролью, которую играет экологическая культура в целостном комплексе качеств личности будущего учителя, обеспечивающего его готовность к педагогической деятельности.

Готовность к охране природы и к экологическом}' воспитанию школьников составляет неотъемлемую сторону подготовки студентов Нижневартковского социально-гуманитарного колледжа. С целью формирования экологической культуры будущих специалистов в условиях колледжа выделяются две модели эколого-педагогической подготовки:

- 1) Общекультурная экологическая подготовка как обязательный элемент учебно-воспитательного процесса для всех студентов (осуществляется через дисциплины и внеаудиторную работу со студентами.
- 2) Специальная экологическая подготовка.

Работа по эколого-профессионаальной подготовке проводится под руководством экологической школы.

Разработана программа дополнительной специализации «Экология» по специальности «Педагог дополнительного образования». В условиях колледжа реализуется личностно-ориентированное образование, когда студент может двигаться по выбранной образовательной траектории. В течении нескольких лет в этом плане ведется работа с творческой группой студентов других специальностей, желающих получить дополнительное образование в области экологии. Студенты с учителями школ проходят обучение через семинары по линии экологической школы, имея возможность ознакомления с современными программами и технологиями экологического образования.

В модели экологической подготовки студентов важным звеном является исследовательская работа студентов по проблемам экологии, экологического образования, краеведения, которые проводятся под руководством как преподавателей кафедры экологии и экологической школы, так и в сотрудничестве со специалистами-экологами города и региона.

Традиционно высокий уровень результатов имеют научно-практические конференции студентов колледжа, которые показывают хорошую теоретическую подготовку студентов, активную творческую работу по изучению проблем экологии, краеведения и экологического образования. Победители городского и окружного конкурсов творческих работ студентов в 2000 г., Кузьмина Снежана, Каюмова Рамиля, изучив влияние климатических условий и экологической ситуации в регионе на состояние здоровья младших школьников, в ходе экспериментальной работы выдали рекомендации по воспитанию экологической культуры и формированию здорового образа жизни детей в условиях северного региона.

Сударикова Елена на базе школы № 41 апробировала программу внеклассной работы по эколого-этнографическому проекту «Дом», как одной из форм внеклассной работы школьников, разработала рекомендации по региональному

содержанию и проведению основных этапов эколого-краеведческой работы.

Научные исследования студентов возможны благодаря сотрудничеству с учителями базовой школы, которая находится в структуре Нижневартковского социально-гуманитарного колледжа и с 1997 года в экспериментальном режиме отработывает модель эколого-эстетической школы. Преподаватели колледжа курируют эксперимент и отслеживают технологию разработки регионального компонента содержания авторских программ на этапе младшего школьного возраста. Под руководством преподавателя колледжа Уколовой Е.А. студенты имеют возможность сотрудничества с младшими школьниками и с учителями в апробировании учебных программ по экологии, организации внеклассной работы по эколого-этнографическому проекту «Дом», учебно-исследовательской работе с детьми по изучению особенностей природы и животного мира своего края.

Традиционно в рамках Дней Защиты от экологической опасности проводятся итоговые конференции, акции «Зеленый десант» и праздник День Земли, в котором принимают участие студенты колледжа и школьники. Конкурс студенческих проектов «Летний экологический лагерь» проводится ежегодно под руководством преподавателя Матюшко О.В. перед выходом студентов на летнюю практику.

Цель конкурса «Летний экологический лагерь» - 2000 состояла в создании условий для практической реализации проектов в сфере экологического образования детей, в ориентации направления педагогической деятельности практикантов на детской летней площадке на экологическое образование отдыхающих детей. В ходе отборочного тура на конкурс были представлены наиболее законченные, системные проекты:

«Зеленый лист». «Гринленд», «Растим экологическое дерево», которые действительно заслуживали внимания, были

актуальными, интересными, содержательными, системными, учитывали интересы современных детей и современную педагогическую технику.

Проект «Зеленый лист» отличался завершенностью, основательностью проработки, представлены различные формы работы в течение лагерной смены по экологическому воспитанию детей в виде целого альбома - здесь и игры, экскурсии, экологические конкурсы, практические природоохранные дела, концерты и др.

Проект «Гринленд». Основная его характерная черта - это продуманность того, как заинтересовать современного ребенка летом вопросами охраны окружающей среды своего края, природы.

Проект «Растим экологическое дерево» отличается тем, что «дерево» появляется (растет) постепенно, как в природе - от семечка (убеждений студентов в необходимости экологического воспитания детей) - до роскошной кроны, каждый листок которой - это экологическое дело с детьми.

Организаторы конкурса надеются, что заповедь «дерево пышное принесет плоды сочные» сохранит свой смысл и экологическое воспитание детей пройдет зеленой нитью через всю их будущую педагогическую деятельность.

Организация внеклассной работы младших школьников по проекту эколого-этнографическому проекту «Дом»

Экологическое образование в настоящее время имеет множество различных форм. Одна из них - внеклассная и внешкольная работа, которой наилучшим образом соответствует проектная форма. подразумевающая в нашем случае последовательное участие детей в ряде различных видов деятельности (знакомство со сказками, театральные постановки, исследовательская работа - создание реферативного обзора и т.д.)

Опыт использования такой формы экологического образования показывает ее высокую эффективность, т.к. рамки школьной программы зачастую не дают возможности глубокого проникновения в суть какого-либо вопроса, заинтересовавшего, ребенка или группу детей. За неимением времени педагоги на уроках вынуждены оставлять самые интересные, с точки зрения детей, вопросы без ответа. В то же время существует другая проблема - как организовать свободное время детей, чтобы они получали знания, приобретали определенные полезные умения и навыки. Еще одна проблема: как связать воедино учебный процесс и внеурочные занятия и сделать так, чтобы эти знания были востребованы. С помощью разработанной Т.В.Шпотовой структуры проекта возможно нетрадиционное решение этих проблем.

Проект «Дом» рассматривается авторами как элемент системы непрерывного экологического образования, рассчитанный на детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Детский экологический проект «Дом» посвящен изучению животных «соседей по планете», удивительных созданий, живущих в одном общем Доме - на Земле.

Целью данного проекта является пробуждение добрых чувств, любви к растениям, и животным; формирование желания беречь все живое на Земле; осознание понятие Дома.

В основе проекта лежит программа по изучению разнообразия животного мира, условий обитания животных, их пищевых и не пищевых отношений друг с другом, с компонентами неживой природы, приспособлений к условиям среды.

Первый этап работы по проекту можно рассматривать, как подготовительный. Началом является чтение сказок того народа, на чьей территории дети живут. Читая, дети выбирают из текста названия тех животных, которые участвуют в сказке. При обсуждении выясняется, что эти животные живут в окрестных лесах, водоемах ... т.е. рядом с нами. Они ~ наши соседи. Первый этап направлен на понимание того, что рядом с нами живут существа, у которых ДОМ - рядом с нашим ДОМОМ, мы связаны с ними множеством связей:

Выбор «сказочного» начала проекта обусловлен как возрастом детей, так и тем, что главными героями народных сказок бывают животные, обитающие, как правило в том же регионе, что и сочинители сказок.

Благодаря сказке дети начинают получать первые представления о биогеографическом распределении животных, о их повадках и многое другое.

Чтение сказок чередуется с занятиями по обучению детей рассказывать и сочинять сказки, с постановкой спектаклей по сказкам о животных.

На этом этапе работы дети выбирают понравившуюся сказку и с помощью руководителя начинают подготовку к постановке спектакля,

В первый этап работы по проекту включен образовательный цикл «Творческая мастерская». Занятия этого цикла направлены на художественное творчество, дети изготавливают маски животных, кукол - животных для кукольных спектаклей. Дети всматриваются в их изображения, замечают то, что скрыто от невнимательного взгляда. На Фестивале можно уделить особое внимание работе с картой - пусть дети покажут на карте, где живут герои их сказки, где живет народ, сочинивший данную сказку. Но самое главное все-таки - это показ сказки о животных.

Первый этап работы по проекту «Дом» заканчивается Фестивалем сказок, на котором дети показывают спектакли. наиболее понравившихся сказок.

В прошлом учебном году Фестиваль проходил совместно, среди 1 и 2-х классов, т.е. ребята, которые работают по проекту «Дом» первый год представили вниманию зрителей сказки, в которых главные герои млекопитающие, а 2-е показали сказки о птицах, т.к. они находятся уже на втором этапе.

Это были и сказки народов севера, и русские народные сказки, и сказки народов других стран.

Совместное проведение Фестиваля помогло ясно выделить особенности сказок народов севера, особенности животного мира, населяющего этот край.

На втором этапе работы по проекту дети выбирают животное, которое обитает в их местности, выясняют его место в системе животного мира, особенности его строения, приспособления к условиям среды, пищевые и не пищевые взаимоотношения с другими живыми существами, знакомятся с цикличностью природных процессов, которые влияют на жизнь животного. После подбора материала о выбранном животном, дети обобщают найденный материал и составляют реферативный обзор,

Суть второго этапа - передача детям большого объема знаний по биологии и экологии выбранного ими животного,

обучение работе с литературой, выбор и классификация нужного материала, его обобщение, оформление реферативной работы. Составление доклада по написанному реферату.

Второй этап работы по проекту «Дом» самый длительный и заканчивается он научной конференцией.

Конференции, также как и Фестивали мы проводим в виде творческих встреч между разными классами, а в этом учебном году планируем еще и между разными школами.

На конференции дети с большим интересом, с «горящими» глазами рассказывают какое необыкновенное животное они выбрали и сколько всего интересного они о нем узнали.

Демонстрируют с гордостью собранный материал.

Стимулом для дальнейшей работы и более глубокого изучения материала о животных, являются вопросы слушателей.

Третий этап посвящен подготовке к походу, во время которого дети должны получить опыт общения с Природой. Он включает занятия по основам туризма, ОБЖ. спортивному ориентированию и разработке правил поведения в «гостях», т.е. в местах обитания животных.

Этап заканчивается проведением похода, который представляет прекрасную возможность широкого применения полученных в течении года знаний.

Работа по проекту «Дом» рассчитана на несколько лет. Каждый год работы по проекту состоит из трех этапов, суть и последовательность которых сохраняется, изменяется только объект исследования. Это могут быть птицы, пресмыкающиеся и любые другие организмы, обитающие вместе с нами.

По данному эколого-этнографическому проекту мы работаем 4-й год. Результаты работы имеются.

У детей выработались общеучебные умения и навыки;

- подбор литературы, работа с ней;

- выделение основной мысли среди огромного объема информации.

Многие сталкиваются с проблемой, что дети не хотят читать или не умеют излагать свои мысли. Поверьте, что у детей, работающих по проекту «Дом» таких проблем нет.

Изучая животных своего края, дети себе, а потом и всем остальным доказывают, какие необыкновенные создания живут рядом с нами.

Настаивают на том, чтобы все мы были внимательнее к своему окружению и так как и они любили животных, т.е. у детей формируется понимание того, что все живые организмы уникальны и заслуживают должного внимания и обращения к себе.

Через детей идет работа с родителями, ведь при написании реферативных работ они оказывают помощь своим чадам.

Конечно, в настоящее время существует множество наработок в области внеклассного, внешкольного экологического образования, но система пока не наблюдается. В проекте «Дом» все этапы взаимосвязаны. Каждый последующий этап вытекает из предыдущего. Проект представляет собой интеграцию фольклора, краеведения, художественного творчества, туризма и многого другого, т.е, существует межпредметная интеграция.

Работая по проекту «Дом» возможно сотрудничество между классами, школами города и если первый год мы работали на базе одной школы, то теперь результаты заинтересовали многих педагогов города Нижневартовска и Центр детского творчества начинает работ}' по данному проекту на городском уровне.

Н.Зинченко

Личная песня жизни - одна из корневых основ древней культурной традиции и народной педагогики

У народа ханты есть древний уникальный обычай: собираться вместе, садиться в общий круг и петь свои личные песни жизни. Когда зародился и сформировался этот обычай,

выяснить у носителей фольклора не удалось. Только все они, с кем беседовала на эту тему, жительницы национального поселка Лган: Варвара Степановна Покачева - методист по декоративно-прикладному искусству национальному творчеству сельского Дома культуры, Фекла Семеновна Бондаренко - директор аганского музея-театра, Екатерина Александровна Покачева - ныне покойная, заверили, что этот обычай очень и очень древний, и что пришел он в наши дни из очень далекой седой старины.

Суть этого уникального обычая состоит в том, что, будь то мужчина или женщина, если они того желали, в течение всей своей жизни сочиняли свою песню жизни. В ней они рассказывали не только о себе, своем характере, поступках, перечисляли события и давали им оценку, но и «рассказывали» о людях, которые их окружали. Словом, пели в своей песни жизни обо всем, что считали важным, нужным, интересным. трогающим душу, сердце, формирующим характер и мировоззрение.

Было еще одно неизменное требование к личной песне жизни: автор ее слов должен был написать для нее и свою, непохожую на другие мелодию. Если самодеятельный артист отваживался исполнить свою песню под чужую мелодию, сородичи выговаривали ему за музыкальный плагиат, осмеивали за то, что он не смог придумать что-то свое и данную песню не засчитывали за личную песню жизни.

По песням жизни, как по открытой книге, ханты читали все, что пряталось и таилось в глубинах человеческого сердца. Да и сами сочинители песен ничего не таили от родственников, соседей друзей и от самих себя. Они обнажали в песнях жизни свои сердца и души, открывали тайны и делились помыслами, что позволяло им успешно бороться со стрессами, намечать перспективы дальнейшего личностного роста, с уверенностью смотреть в завтрашний день и воспитывать трудолюбивое. здоровое поколение.

Когда взрослые исполняли свои личные песни жизни (а исполняли они их тоже не совсем обычно: пели все разом или поочередно) каждый раз в общем, песенном круге рядом с взрослыми сидели дети и внимательно слушали их откровения, исподволь набирались опыта и мудрости,

В связи с этим интересно рассмотреть некоторые личные песни жизни из рукописной книги «Песни аганских ханты и лесных ненцев» (с. Варьеган, 1996 год; к сожалению, автор этого уникального сборника мне не известен). В своей личной песне, названная «Трудолюбивая женщина» (ее исполнила на ненецком языке Татени Соболевна Казымкина) рассказывает о том, что женщина в ее песне всегда встает ранним утром и спешит то на рыбалку, то настрогать стружек, чтобы было чем вытереть лицо и руки, то спешит на болото за ягодами, а когда возвращается из урмана, она кормит своих ребятишек. И не одного или двоих - семеро детей растит женщина одна, говорится в песне.

О большой любви, о красивом сильном сердце рассказывает личная песня Татени Соболевны Казамкиной «Я выйду замуж за бедного». «Я пойду за тебя, уверяет девушка любимого, и это несмотря на запрет отца не выходить замуж за бедняка, потому что он, бедняк, спит на снегу. «Но я не послушаю его», - заверяет девушка любимого: «Одежды не даст - без одежды приду. Кисов не даст - босиком приду. Оленей не даст-пешком приду».

«Трудом своим будет одета и обута», - заявляет в своей личной песне жизни Нюню Кольчевна Айваседа «Мастерица». Героиня ее песни она сама, одна из лучших мастериц не только национального поселка Варьеган, но и всего Нижневартовского района. Героиня песни умеет и камусы раз/делявать, и шкуры выделывать, и малицу скроить-сшить, и ягод всегда наберет и в урмане и на болоте, и дров нарубит, и огонь в чувале разожжет.

Привлекает внимание своей откровенностью и личная песня Архипа Сардакова. которая была записана в исполнении

Ольги Филипповны Иуси. Ее автор рассказывает о том, как он живет и кочует по реке Ягурь-Ях. «Где заходит закат - я ложусь спать. Там, где восходит заря - я встаю. За что я наказан судьбой: скитаться по этой земле? У меня нет семьи, нет наследника. Все, что у меня есть, тридцать оленей моих. Это не наследство от деда, и не подарок от отца. Я сам обхаживал каждого олененка».

Специально для детей ханты и ненцы сочиняли и исполняли в общем круге, посвященном песне жизни, не только песни, но и сказки, шутки, поучения и т.п. Вот некоторые из них.

В песне-сказке Нюню Кольчевны Айваседы «Человек превратился в пчелу» рассказано о том, что когда-то на белом свете жил необычный человек. Однажды он превратился в пчелу и стал жалить людей. Но потом ему надоело жужжать и жалить и он, этот необычный человек, превратился в лису, потом в горностаю и так много лет он превращался в разных зверей.

«Элеэн победила семерых злых духов», - песня-сказка, записанная со слов Нюню Кольчевны Айваседы. В ней рассказывается о том, что к костру, у которого сидела девочка Элеэн, прилетело семь женщин, семь злых духов. Они кружили над девочкой и пугали ее, но она не испугалась. Элеэн изловчилась, поймала всех семерых духов и бросила их в костер. Храбрая девочка победила зло и спаслась.

Надо полагать, что песня о храброй девочке, победившей семерых злых духов в образе женщин, вселяла уверенность в свои силы у тех детей, которые слушали и помнили ее. Данная песня жизни учила юных ханты не бояться зла, и смело сражаться с ним, каким бы огромным и сильным оно не проявлялась, пугая детей. Несня жизни исподволь требовала от них выносливости и трудолюбия, смекалки и отваги. Всему этому они прилежней учились у взрослых, подражая им в повседневной жизни.

Благодаря рукописной книге «Песни аганских ханты и лесных ненцев» выяснилось, что еще несколько десятков лет тому назад коренные народы Севера пели личные песни жизни, написанные в форме предсказания. Не секрет, что шаманы этих народов умели, а, возможно, умеют и сегодня заглянуть в Священную книгу судеб, перелистать ее страницы и рассказать о том, что ждет того или иного человека, а то и отдельные народы планеты в грядущем будущем.

Песню «На священной реке Мак», которая записана со слов Ульяны Филипповны Иуси, можно отнести и к предсказаниям шамана, и к осмысленным наблюдениям над природными явлениями. В этой песне сообщается о том, что человек, который написал, родился на священной реке Мак, и что он умрет на ней. После его смерти священный остров, и священное озеро исчезнут. Люди не будут, как и прежде, довить здесь рыбу «полные сети и мордушки», потому что этот человек и озеро и остров унесет с собой...

Личная песня жизни являлась для коренных народов Севера надежным хранителем обычаев и традиций. Она была своеобразной портретной галереей с четкими психологическими характеристиками каждого из тех, ушедших в небытие, но оставивших свои песни жизни потомкам. Сущность данной традиции у коренных малочисленных народов Севера заключается не просто в передаче знаний, духовных законов, а и «воспроизведения личности».

Личная песня жизни выступает в роли своего рода **проводника-путеводителя** по страницам не только далекого прошлого, но и по трудовым будням дня сегодняшнего, что очень важно для реализации рациональных действий в сфере образования и воспитания по модели народной педагогики.

Наши авторы

1.	Алексеева Л.В.	Доцент НГПИ
2.	Архипова М.Д.	Преподаватель истории
г.Нижевартовск
3.	Ахтямова Р.Х.	Преподаватель истории
МОСШ № 32 г.Нижевартовск
4.	Внукова О.В.	Аспирантка НГПИ г.Радужный
5.	Закуанова Л.Р.	Студентка НГПИ
6.	Захарова Н.В.	Ассистентка кафедры Истории
России НГПИ
7.	Зинченко Н.Н.	Тележурналист ТК «ТНР», член
Союза журналистов РФ
8.	Зубов В.Н,	Ассистент кафедры Истории России
НГПИ
9.	Кондрахина С.С.	Преподаватель истории
МОСШ № 5, аспирантка НГПИ
г.Нижевартовск
10.	Конев А.Ю.	Доцент Тобольского пед.института
11.	Левнер М.В.	Директор московского бюро.
Библиотека Конгресса США
12.	Митрофанов В.В.	Преподаватель истории
МОСУ.І № 33, аспирант НГПИ
г.Нижевартовск
13.	Мухамедьярова Р.Р.	Директор экологической школы при
Нижевартовском пед. колледже
14.	Пастарнак М.П.	Преподаватель НГПИ
15.	Перевалов В.А.	Научный сотрудник института
проблем освоения Севера г.Тюмень
16.	Потиха В.В.	Председатель городской
общественной организации
«Культурный проект.
НижеАртовск»
17.	Пушкарева Т.А.	Преподаватель истории основной

18.	Рахимов Р.Н.	школы г. Новоаганск
19.	Сизов С.Г.	Доцент Ваш ГУ, Уфа
20.	Симачкова Н.Н.	Доцент Омского ГТУ
		Ст. преподаватель
		Нижевартовского филиала ТГУ
21.	Солодкин Я.Г.	Профессор НГПИ
22.	Стадник А.Н.	Преподаватель истории
		МОСШ № 31, аспирант НГПИ
		г.Нижевартовск
23.	Степанова В.В.	Профессор НГПИ
24.	Шаланина В.Л.	Преподаватель географии
		МОСШ № 30 г. Нижевартовск
25.	Шаханина Н.А.	Аспирантка НГПИ
26.	Шевцов Л.А.	Аспирант НГПИ
27.	Уколова Н.А.	Преподаватель экологии
		Нижевартовский пед. колледж
28.	Цысь В.В.	Доцент НГПИ
29.	Хуршудов А.Г.	Директор Института
		природопользования

Содержание

Часть I.

История и историография.

Зубов В.Н. Первая жалованная грамота Ивана Грозного Строгановым (1558 г.) как исторический источник.(тезисы)	3
Симачкова Н. Н. Об административно-хозяйственных функциях первых сибирских воевод, (на материале верхотурских грамот), (доклад)	6
Солодкин Я.Г. Ранние летописные отклики на «Сибирское взятие».(доклад)	9
Архипова М.Д. О роли архиепископа Киприана в становлении сибирского летописания, (доклад)	14
Шаханшш Н.А. Начало сибирского летописания и Савва Гххиов. (доклад)	18
Ахтямова Р.Х. Г.Ф. Миллер как историк сибирского летописания, (тезисы доклада)	21
Пушкарева Т.А. О реализации ясачной политики в Сибири конца XVI-XVII вв, (тезисы доклада)	23
Внукова О.В. Сибирское казачество в конце XVI - начале XVII вв. (доклад)	26
Конев А.Ю., Перевалов В. А. У истоков сибирской почты, ((доклад)	29
Рахимов Р.Н. Сибирская и Оренбургская пограничная линии: Юго-Восточная граница России, (тезисы доклада)	34
Алексеева Л.В. Крайний Север Западной Сибири в конце 1930-х гг. (доклад)	37
Сизов С. Г. Некоторые особенности проявления инакомыслия в Западной Сибири в 1953-1964 гг. (доклад)	41
Степанова В.В. Сибирь и колониальные проблемы в Европе и России, (доклад)	46
Захарова Н.В. Образование переселенческих участков в Тобольской губернии в годы столыпинских	

преобразований, (тезисы доклада)	50
Кондрахина С.С., В.Н. Татищев и собирание материалов по истории и географии Зауралья.(доклад)	52
Стадник А.Н, Ранняя история Пельша в книге П.Н.Буцинского "Заселение Сибири и быт первых ее насельников" ¹ , (доклад)	55
Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов как исследователь Строгановской летописи, (тезисы доклада)	58
Шевцов А.А., Бахрушин С.В. об итогах и задачах исторического изучения народов севера Сибири, (тезисы доклада)	61

Часть II.

Культура, природа, общество

Хуршудов А.Г. Трудные пути развития коренных народов Севера, (доклад)	64
Цысь В.В. К проблеме сохранения и укрепления национальных культурных традиций этнических меньшинств, проживающих в г. Нижневартовске. (доклад)	71
Закуанова Л.Р. К истории изучения шаманизма в Сибири, (тезисы доклада)	75
Потиха В.В. Проект «Культурный ландшафт» (тезисы)	77
Левнер М.В. Internet-проект Библиотеки Конгресса США «Встреча на границах».(материалы к выступлению)	78

Часть III.

Краеведение в учреждениях образования.

Шаланина В.Л. Воспитание гражданственности через краеведение, (тезисы доклада)	83
Пастарнак М.П. Внеклассная работа. Школьные заповедники региона, (доклад)	85
Мухамедьярова Р.Р. Эколого-педагогическая	

подготовка будущего специалиста в Нижневарттовском социально-гуманитарном колледже, (доклад)	88
Уколова Е.А. , Организация внеклассной работы младших школьников по эколого-этнографическому проекту «Дом», (доклад)	93
Зинченко Н.Н. Личная песня жизни - одна из корневых основ древней культурной традиции и народной педагогики, (доклад)	97
Наши авторы	102